

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

III ПАРГАЛКА

для ленивых любителей

ИСТОРИИ

КОРОЛИ И КОРОЛЕВЫ АНГЛИИ

Александра Маринина
Шпаргалка для ленивых
любителей истории.
Короли и королевы Англии
Серия «А.Маринина.
Больше чем История»
Серия «Короли и королевы
Англии», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67469772
Шпаргалка для ленивых любителей истории. Короли и королевы
Англии:
ISBN 978-5-04-167323-9

Аннотация

Первая книга в необычном для Александры Марининой жанре – популярной истории.

Новый остроумный взгляд на исторических персонажей, знакомых по любимым романам и кинофильмам.

Живописная панорама английской истории от Вильгельма Завоевателя до Елизаветы Второй. Жизнь правителей Англии красочно описана как увлекательный психологический сериал:

в стиле драмы, триллера или комедии, в зависимости от тех ролей, которые сыграли знаменитые личности.

- Отчего для королевы Виктории выйти замуж в 17 лет было рано, а королеве Матильде в 12 годков – в самый раз?

- Кто отдал приказ погубить юных наследников короля Эдуарда Четвертого: их собственный вероломный дядя Ричард (будущий король Ричард Третий), как уверен был Шекспир, или залётный французский принц Джаспер Тюдор (дядя будущего короля Генриха Седьмого и победителя Ричарда), как считает романистка Филиппа Грегори?

- Почему блудливый Генрих Восьмой одну Анну, жену свою – жизни лишил, такой негодая, а другую Анну, девицу, увидев ее портрет кисти великого Гольбейна, решил взять четвертой женой, но как встретил вживую – поскорее развелся и... нет, не в монастырь ушел, а женился в пятый раз – на Екатерине, но и ту – по привычке тоже казнил?

- Как смог король Георг Пятый родиться «немцем-полукровкой» Саксен-Кобургом, а умереть «чистокровным англичанином» Виндзором?

Ну, и еще масса интригующих вопросов и ответов, которые в самой комфортной и увлекательной форме помогут читателям расставить в истории всё по полочкам. И наслаждаться любимыми историческими сериалами и сочинениями, всё понимая и не путаясь: кто за кем правил, кто кому кем приходится, кто кого до смерти обидел, а кто просто чижику съел.

«То, что я пишу – ни в коем случае не учебник и даже не учебное пособие, изучать историю по этому тексту нельзя! Но можно понять, какие любопытные извивы постоянно случались в жизни монархов, чем-то заинтересоваться, копнуть чуть глубже...

И в итоге уложить-таки в голове то, что требуется, но с удовольствием, а не из-под палки». — *Александра Маринина*

Содержание

Нормандская династия	12
«Хочу быть владычицей морскою...»,	12
«Ты мужик или кто?»,	15
«Вор у вора...»,	18
О роли диареи в мировой истории,	28
Плантагенеты	32
«И пришли Плантагенеты»,	32
«Пацан сказал – пацан сделал»,	46
«Неглупый парень»,	51
«Хороший человек – это не профессия»,	64
«И вправду первый»,	67
«Первый принц Уэльский»,	73
«Славное начало»,	89
«Семейная свара»,	97
«Жадность фраера сгубила»,	108
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Александра Маринина

Шпаргалка для ленивых любителей истории

Короли и королевы Англии

© Алексеева М.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Читать любят многие. И кино смотреть тоже. Из этих многих некоторое число людей с удовольствием смотрят костюмированные фильмы и сериалы, наслаждаются историями из жизни средневековых рыцарей и королей, но...

Но не всё понимают. И иногда это непонимание сильно тормозит и восприятие прочитанного (увиденного), и получение удовольствия. Слишком много каких-то непонятных дяденок и тетенок с какими-то странными претензиями и обидами, и из-за чего они постоянно ссорятся и воюют? Да ну их, только мешают следить за основной интригой. И повезло, если интрига чисто любовная, тогда политикой можно и пренебречь. А если не только любовная? Или даже совсем не таковая?

Помню себя десятилетней. Четыре раза посмотрев французский фильм «Три мушкетера», попросила у соседа книгу, ожидая такое же, если даже не большее, наслаждение.

Облом-с, господа хорошие. Какие-то сложные отношения Франции с Англией, какая-то осада Ла-Рошели... Зачем она нужна, эта осада? За что воюют? В десять лет это казалось не только непонятным, но и откровенно скучным.

Мое поколение в те годы уже не зачитывалось Вальтером Скоттом, мы были детьми Кларка, Азимова и братьев Стругацких. Так что, если бы не курс английской литературы, обязательный для языковой спецшколы, я бы никогда в жизни не прочитала «Айвенго». А тут пришлось, куда деваться-то, Лазарь Ильич Казачков, наш завуч по английскому, строго спрашивал и, хотя читать разрешал на русском, требовал подробный пересказ содержания на английском. Мы и «Гамлета» пересказывали, и «Кентерберийские рассказы» Чосера, и «Ярмарку тщеславия» Теккерея. Ну и, соответственно, «Айвенго». Из всего романа в голове остались Бриан де Буагильбер, леди Ровена, сам Айвенго, какой-то несимпатичный персонаж король Джон и «хороший парень» Ричард Львиное Сердце, которого почему-то все считали погибшим, а он возьми да и объявись живым и здоровым. Эх, учила бы я как следует историю – может, и знала бы душераздирающую драму о том, как делили наследство детки Алиеноры Аквитанской и Генриха Второго Плантагенета. Да-да, той самой Алиеноры, которая «Лев зимой» и «Аквитанская львица». И да, того самого Генриха Второго, который крутил любовь с невестой собственного сына на глазах у всего двора. Знала бы я подробности – текст романа Вальтера Скотта

читался бы наверняка совсем иначе. А всеразличные истории про благородного разбойника Робин Гуда? Там ведь тоже на обочине постоянно мелькает некий принц Джон, причем далеко не в самом позитивном контексте.

Опять же Жанна, Орлеанская Дева. Из-за чего война-то была? Зачем нужно было короновать дофина? В чем смысл ее подвижнических деяний? Что-то такое говорили на уроках истории про Столетнюю войну, но из памяти мгновенно стерлось, потому что в учебнике написано было пресно.

Уже сейчас, в более чем зрелые годы, попался мне английский цикл сериалов «Белая королева», «Белая принцесса» и «Испанская принцесса». Начала смотреть просто как придуманную историю, но по дурацкой привычке пару раз проверила кое-какие факты по «Википедии». Оказалось – да, именно так все и было, и люди те самые, и конфликты, и их причины. Надо же! Оказывается, это не придумано! Это было!

И стало мне жалко саму себя – ленивую дурочку, мимо которой прошло так много интересного в прочитанных когда-то книгах.

Стала вникать чуть подробнее, кое-что почитала, кое-чем поинтересовалась и решила составить нечто вроде легкой шпаргалки для таких же, как я, – для тех, кто никогда особо не интересовался историей Европы, ничего такого в голову не брал, а читать и смотреть кино «про королей» любит. Всю Европу мне, разумеется, не охватить, да и задачи такой не

ставится, а вот подсказку по Англии сделать вполне по силам. И те, кто удивляется: зачем Шекспир написал так много пьес про всяких там Генрихов и Ричардов, поймут, какие любопытные истории случались в те времена. Может, и пьесы эти посмотрят без скуки, на «Ютубе» их полно. И, кстати, экранизаций и шекспировских, и других пьес тоже достаточно. Есть и «Ричард III» с Лоуренсом Оливье, и «Ричард III» конца 1990-х, сильно осовремененный, но от этого не менее любопытный (для знатоков сериалов замечу: там снялись некоторые актеры из «Аббатства Даунтон», только они лет на 20 моложе, естественно), и две экранизации пьесы Джеймса Голдмена «Лев зимой»: одна с Питером О'Тулом, Энтони Хопкинсом, Тимоти Далтоном и Кэтрин Хепбёрн, другая – Андрона Кончаловского, я уж не говорю о блестящем сериале «Пустая корона», в который вошли исторические пьесы Шекспира и в котором Ричарда Третьего играет Бенедикт Камбербэтч. А спектакль «Ленкома» «Аквитанская львица» с блистательной Инной Чуриковой (Алиенора) и вполне достойным Дмитрием Певцовым (король Генрих Второй)! В те времена, когда я смотрела в «Ленкоме» этот спектакль, рядом сидела Людмила Чурсина и очень внимательно наблюдала за актерской работой Инны Михайловны, а потом мне сказали, что в Театре Советской Армии, где служит Чурсина, готовятся к постановке этой пьесы и роль Алиеноры будет исполнять именно Людмила Чурсина. Одним словом, есть что посмотреть.

Совсем уж в дебри лезть не буду, по «дебрям» литературы художественной не много, навскидку – только первые главы романа «Лондон» Резерфорда. Начну, пожалуй, с Вильгельма нашего Завоевателя. Почему с него? Потому что всякие примочки с престолонаследием начались примерно тогда. И тогда же было положено начало сложностям в отношениях с Францией. Да и художественной литературы, и кинопроизведений куда больше по «нормандскому» периоду, чем по «донормандскому».

В этом тексте вас, возможно, будут напрягать и даже раздражать повторы, которые я себе позволю. Но позволю их умышленно, поскольку текст нехудожественный, информации в нем много, имен тоже немало, и значительная часть из них звучит одинаково, так что легко запутаться. Именно для того, чтобы облегчить вам понимание и запоминание, я буду то и дело допускать «повторение пройденного». Кому это не нужно – просто пропускайте.

Для любителей искать в любом тексте ошибки и неточности скажу сразу: в написанном вы при желании сможете найти их даже больше, чем надеетесь. И это будет допущено опять же умышленно: пока проверяете, уточняете и радуетесь своим находкам – многое узнаете, а кое-что даже и запомните.

То, что я пишу, – ни в коем случае не учебник и даже не учебное пособие, изучать историю по этому тексту нельзя! Но можно понять, какие любопытные извивы постоянно

случались в жизни монархов, чем-то заинтересоваться, копнуть чуть глубже... И в итоге уложить-таки в голове то, что требуется, но с удовольствием, а не из-под палки.

И еще пара предварительных пояснений. Первое: вас может смутить разное написание имен и географических названий, например Суффолк – Саффолк – Сеффолк или Босуорт – Босворт, когда речь идет об одном и том же человеке или месте. Не пугайтесь, это всего лишь нюансы транслитерации, поскольку правила достаточно гибки и меняются со временем. В те времена, когда Шекспира переводили на русский язык, правила были одни, теперь – другие, да и в них нет единства.

Второе: цифровую часть именований монархов буду писать словами, а не римскими цифрами, как положено. Почему? Да все потому же: прочесть привычные буковки куда легче, чем вникать в палочки-галочки-крестики и подсчитывать их. Для ленивых же пишу как-никак.

Нормандская династия

«Хочу быть владычицей морскою...», или Вильгельм Первый Завоеватель

Тут вот что нужно иметь в виду: Вильгельм был герцогом Нормандским. Проще говоря – руководителем герцогства Нормандия, что на северо-западе Франции и географически ближе всего к Англии. Как герцог Нормандский наш Вильгельм являлся вассалом французского короля, приносил ему оммаж – вассальную клятву, то есть признавал, что Нормандия – часть королевства Франции, а король – его прямой и непосредственный повелитель, служить которому следует верой и правдой, всем своим имуществом и самой жизнью. Этнически нормандцы были потомками скандинавов, когда-то завоевавших эту часть суши и расселившихся здесь, но юридически они – французы, подданные короля Франции.

Вступило Вильгельму в голову, что надо бы попробовать завоевать Англию. А что? Близенько, удобненько да и престижно. Вообще-то он давно облизывался на Англию, и какие-то неподтвержденные обстоятельства давали ему право замахиваться на английский трон. То ли ему кто-то что-то

такое пообещал, то ли задолжал... Документов нет, а желание было. Ну что там какой-то герцог какой-то Нормандии, вассал и подчиненный? Можно же стать королем и самому всеми командовать! Короче, здравствуй, Пушкин со «Сказкой о рыбаке и рыбке».

Завоевал. Не без крови, само собой, не без потерь, но затея удалась. Победа в битве при Гастингсе решила дело. (Для любителей и знатоков английских сериалов напомним суперинтенданта Гастингса из сериала *Line of Duty*. В каждом сезоне этот персонаж, представляясь кому-нибудь по телефону или лично, хотя бы раз произносит сакраментальную фразу: «Гастингс. Да, как битва». Вот именно об этой битве и идет речь). И в 1066 году Вильгельм Нормандский стал королем Англии Вильгельмом Первым. И Нормандия, если можно так выразиться, встала юридическим раком: с одной стороны, она является частью владений короля Англии, но с другой – вассальным владением короля Франции. И как быть? Чьи пироги пышнее? Чья власть значимее? Вопрос оставался открытым.

Просидел он на престоле 21 год, до 1087 года, да и помер. Но последнюю волю, как водится, огласил.

Старшему сыну, Роберту, оставил свою родную Нормандию.

Среднему сыну, Вильгельму Руфусу (Рыжему), – Англию. Младшему сыночку, Генриху, – 5000 фунтов серебром.

Были у Вильгельма Завоевателя и дочери, числом четыре,

Аделиза, Адела, Констанция и Сесилия, но они, как вы сами понимаете, в качестве наследниц престола даже не рассматривались. В семье имелись еще три дочери, но они умерли во младенчестве, поэтому мы о них говорить не будем.

В английской традиции вообще принято младших сыновей всячески ущемлять... Мы это еще увидим, когда дойдем до Генриха Второго и Алиеноры Аквитанской. А маленьких обижать нельзя, обычно это очень плохо заканчивается.

Вильгельм Первый Завоеватель

Годы жизни: ок. 1027/1028–1087.

Годы правления: 1066–1087.

Преемник – средний сын Вильгельм Руфус.

«Ты мужик или кто?», или Вильгельм Второй

Уж почему папаня Завоеватель так распорядился своим наследством – судить не нам, мы на том собрании не присутствовали. Почему старшему сыну – Нормандию, то есть кусочек поменьше, а среднему – вроде как побольше, позначительнее? Обычно старший сын, первенец, считается предпочтительным наследником. Но Вильгельм Первый решил иначе. Возможно, старшенький умом не вышел или статью, а может, и еще какая причина была. Но факт остается фактом: следующим королем Англии коронован средний сынок, Рыжий Вильгельм Второй. Стукнул ему на тот момент 31 годик.

Был он толстым, рыжим, краснолицым, невысоким, но очень сильным, и нравом отличался дюже крутым. Женат не был, детей не оставил. И вот тут и у современников, и у историков возникла масса нескромных вопросов. В ту эпоху (да и по сей день) мужская сила оценивалась по мужской силе. Каламбур понятен? «Ты не настоящий рыцарь и вообще не мужик, если у тебя нет кучи любовниц и пары десятков бастардов». Ну, вот так примерно. Иметь любовниц и внебрачных детей считалось не просто нормой – это было прямое требование «хорошего тона». Кто его не соблюдал, того презрительно называли «слабым мечом»: не силен в койке – значит, и на поле боя таков же. Рыжий Вильгельм ничего

не соблюдал. Думаете, был благочестивым и набожным? А вот ни фиги! Все годы своего правления он открыто хамил церкви и всячески демонстрировал ей свою власть. Поощрял и насаждал насилие и жестокость. Воевал не только с Шотландией и Уэльсом, но и с родным братишкой старшеньким, Робертом, хотел у него Нормандию откусить. Одним словом, жуткий был типчик. А вот с женщинами отчего-то не сложилось совсем. Подозрения всевозможные озвучивались и озвучиваются по сей день разными историками, но... Не пойман – не вор. Свечку никто не держал, а если кто и держал, то «на устах его печать молчания».

Скончался Рыжий Вильгельм в 1100 году. Как? А вот тут темная история. Вроде бы на охоте. И вроде бы это был несчастный случай: кто-то из товарищей по забаве куда-то не туда выстрелил и попал в короля, да еще и так неудачно, что король мгновенно кровью истек. А может, упал и на стрелу напоролся, ну как в том старом анекдоте про «и так двенадцать раз подряд», помните? Что ж, всякое бывает, чай, охота – не пикник на озере. Но! Младшенький, Генрих, который к тому времени свои 5000 фунтов серебром уже давно растратил и на срамных девок спустил, почему-то подозрительно быстро оказался в Винчестере и прибрал к рукам сокровищницу, то бишь королевскую казну, а уже через три (!) дня был коронован как король Генрих Первый. Он тоже участвовал в той охоте...

А я предупреждала: маленьких обижать – себе дороже

выйдет. И многие специалисты-историки мои подозрения разделяют.

Вильгельм Второй Рыжий

Годы жизни: ок. 1056/1060–1100.

Годы правления: 1087–1100.

Преемник – младший брат Генрих.

«Вор у вора...», или Генрих Первый

Генрих, младший из троих сыновей Завоевателя, оказался совсем не похожим на братьев. Взошел на престол в 32 года, почти как и Рыжий, но отличался умом, сообразительностью, дальновидностью и, что немаловажно, осторожностью. Был неплохо образован, знал латынь, а это имело в ту пору огромное значение для «руководителя». Дело в том, что нормандцы-завоеватели говорили только и исключительно по-французски, а местное население – на англосаксонском, который для французов был слишком сложным. Юридические документы и всякие важные бумаги приходилось составлять на латыни, которой владели далеко не все вышестоящие чиновники. А ведь трудно управлять страной, если ни фига не понимаешь, о чем люди говорят и что в бумаге прописано...

Генрих прекратил войны и старался поддерживать мир, но предварительно решил закончить возню, начатую его братом Рыжим Вильгельмом по поводу Нормандии. В битве при Таншбре в 1106 году он взял в плен старшего брата Роберта, Нормандию присоединил к Англии, а брата-близнеца до конца жизни продержал в тюрьме. Сильно любил, наверное.

Вообще, к военным затеям Рыжего Вильгельма новый король относился уважительно, поддерживал политику, начатую предыдущим королем в Уэльсе: юг и восток продолжал

заселять нормандцами, а позже, когда началась миграция из Фландрии, переселенцев тоже туда отправлял. Правда, центр и север Уэльса по-прежнему управлялись местными князьями, но хотя бы юг и восток уже подпадали под влияние и даже власть Англии. Уэльс вообще был и до сих пор остается большим местом Англии, достаточно посмотреть третий сезон сериала «Корона», чтобы понять, насколько живучим оказался многовековой конфликт.

Генрих Первый в целом вел себя как нормальный такой раннесредневековый правитель: лояльных аристократов всячески поддерживал, а население гнобил и угнетал. В общем, что тогда – что сейчас, что у них – что у нас, все одно и то же. Характер у короля был... ну, такой себе характер, много на кого похожий. Подозрительный был – жуть просто! Зато постоянно держал руку на пульсе, обо всем узнавал раньше других, в том числе и о заговорах, что, безусловно, полезно. Был очень внимательным ко всему: к словам, к жестам, поступкам. Без усталости собирал всякую-разную информацию и складывал в папочки. Обладал отличной памятью и ничего ни о ком не забывал. Одним словом, КГБ – ФСБ рулил всегда.

Но ходок был отчаянным при всем при том, имел множество любовниц, которые родили от него в общей сложности 26 деточек. И ведь среди них были не только мальчики, но и девочки, а девочек следовало пристроить. Генрих-то, как мы уже выяснили, был человеком дальновидным, так что

доченок своих ненаглядных он выдавал «взамуж» исключительно выгодно в целях поддержания и укрепления связей с правящими домами Европы. Видать, на собственном примере усвоил, как опасно обижать маленьких и ущемленных в правах.

А что же законные дети? А тут еще интереснее. Женился Генрих на племяннице короля Шотландии (уж укреплять международные связи – так укреплять всеми возможными способами). Невеста по имени Эдит была девушкой скромной и благочестивой, до 20 лет пребывала в монастыре, откуда ее прямоиком к престолу и доставили. По нормандской моде имя ей поменяли, и Эдит стала Матильдой, как положено у высокородных нормандцев. Эдит-Матильда родила Генриху Первому двоих детей: мальчика Вильгельма Аделина и девочку Матильду. Вы, ребята, привыкайте: с разнообразием имен в королевских семьях дело обстояло совсем хреново. Пока еще ничего, а вот поближе к эпохе Тюдоров вам мой рассказ покажется хуже, чем небо с овчинку.

Само собой, наследником престола предполагался Вильгельм Аделин. Единственный законный наследник мужского пола. А Матильда – что с нее возьмешь? Баба. Пусть замуж выходит в Европу и связи укрепляет, больше с нее никакого толку. Матильду из этих соображений в семилетнем возрасте обручили с Генрихом Пятым, императором Священной Римской империи, а когда девочке стукнуло 9 лет, отправили ее на воспитание ко двору жениха в Германию.

Тогда так было принято. Как уехала она из родной Англии в 9 лет – так и до свидания. Исполнилось девочке Матильде 12 лет – справили бракосочетание, свадьбу, стало быть, сыграли. Ребеночек родился. Правда, куда он потом делся – непонятно: то ли умер во младенчестве, то ли был отдан на воспитание в другую семью. Историки пока с точностью ничего сказать не могут, известно только, что беременность была, роды вроде как тоже были, а малыша почему-то нет. Слухи ходили всякие, в том числе и такие, что якобы этот младенец был взращен и впоследствии стал архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом – фигурой, заметной в истории. Но это всего лишь слухи. А так Матильда жила себе поживала женой императора, пока тот не скончался. И было молодой женщине об ту пору всего-то 23 годочка. Ни мужа, ни ребенка, ни папиного наследства. Ох, горькая судьби-нушка...

Но вернемся к законному наследнику Вильгельму Аделину. Парнишка был веселый, политику не сильно разумел, зато любил потусоваться с друзьями подальше от родительского глаза. Где? Ну ясное же дело: в Нормандии! Во Франции! Там и погода поприятнее, и девушки-француженки, и вообще... А что такого-то? Парню 16 лет, самое время гулять и радоваться жизни. В какой-то момент, случившийся в ноябре 1120 года, Вильгельм Аделин решил смотаться домой. Наняли они с друзьями кораблик под названием «Белый ветер» (в других источниках имя плавсредства указыва-

ется как «Белый корабль») и поплыли из Нормандии в Англию. Пьянящие все вусмерть, разудалые, песни поют, хохочут, молодецкую удаль показывают – решили на весла сесть. Ну и сели. А там подводная скала. Короче, утонули все, кроме сына мясника.

Теперь давайте вспомним о многочисленных детях, родившихся у Вильгельма Первого Завоевателя. Про сыновей мы все знаем: старший, Роберт, сидит в тюрьме, средний, Рыжий Вильгельм, подстрелен на охоте при невыясненных обстоятельствах, младший, Генрих, правит Англией. Но были же и дочери! Проще говоря, родные сестры правящего короля Генриха Первого. Аж целых четыре штуки. У одной из них, Аделы, графини Блуа (удачно вышла замуж!), есть сыночек Стефан, который приходится королю Генриху родным племянником, а сыночку его Вильгельму Аделину, соответственно, двоюродным братишкой. Мальчишки дружат, тусуются в одной компании, и Стефан должен был ехать (точнее, плыть) вместе с кузеном в Англию. Но съел, видно, что-то не то. Обуял юношу страшнейший понос, такой, что шагу из своих покоев ступить не может. Ну и не поплыл он на «Белом ветре». Так что развеселая компания потонула без него. Запомним этот факт, он нам пригодится.

Итак, законный наследник английского престола сгинул в пучине вод. Генрих Первый пригорюнился надолго и озаботился судьбами страны: из законнорожденных детей, которым можно передать корону, осталась только Матильда.

Мальчиков больше никаких нет. Что делать?! Жена Матильда, бывшая Эдит, уж два года как померла. Надо срочно жениться и попытаться родить новых сыновей. Годы, конечно, уж не те, за полтинник перевалило, но надо пробовать. Выбрал Генрих себе молоденькую Аделизу Лувенскую, прицеливался не только на династические интересы, но и на политические выгоды. С политическими выгодами все получилось, а вот с наследниками – увы. Поженились в 1121 году, время идет – и ничего не происходит. Генрих пригорюнился.

А тут так удачно дочка Матильда овдовела в 1125 году. Генрих собирает главных баронов страны и требует, чтобы те поклялись: после смерти короля они поддержат передачу престола Матильде. Каково, а? Бароны, само собой, в шоке: женщину – на трон?! «Бориску – на царствие?!» Да такого отродясь в Англии не бывало! Но Генрих их уломал всякими перспективными обещаниями. Правда, пришлось пойти на уступку: бароны заявили, что поддержат Матильду только при условии, что кандидатура ее нового мужа будет согласована с ними. Их можно понять: Матильда только-только овдовела, молодая женщина, ей замуж надо обязательно, а ну как она какого-нибудь французишку в дом притащит? «На это мы пойдить никак не можем», – строго заявили бароны. И Генрих уступил. Новый муж у Матильды будет таким, как нравится баронам, и за это они ее коронуют, когда король умрет. На том и порешили.

Но Генрих Первый не был бы самим собой, если бы все на

этом и закончилось. Не таков был наш король! Он решил банально кинуть баронов и тайком от них спроворил брак Матильды с Жоффруа Анжуйским по прозвищу Плантагенет. Свадьбу сыграли в 1128 году, когда невесте стукнуло целых 26 лет, а жениху было всего 14. Ничего, нормалек, в ту эпоху за такими мелочами не парились и никого в педофилии не обвиняли. Это вам не XXI век.

Но какой же это был удар по самолюбию Матильды! Только представьте себе: девочка с раннего детства жила при дворе императора, потом была супругой императора, и, хотя в качестве императрицы ее никогда не короновали, она после смерти мужа именно императрицей себя и называла и того же от других требовала. То есть тщеславие у дамочки просто зашкаливало. И вдруг ей предстоит взойти на брачное ложе с каким-то сопляком-недоростком!

На юного жениха тоже прошу обратить особое внимание. Уж сколько раз в романах нам встречались слова о том, что, дескать, «они – прямые потомки Плантагенетов!». Кровное родство с Плантагенетами означало более сильное право притязать на престол. Вот он и есть тот самый первый Плантагенет, родственными связями с которым так кичились аристократы в Англии. Почему такое прозвище? А из латыни. *Planta genista* – растение под названием дрок. Веточку дрока юный Жоффруа Анжуйский любил прикалывать к своей одежде.

Итак, Матильда выходит замуж за француза чуть ли не

вдвое моложе себя и начинает рожать наследников. Бароны не в восторге, но сдержанно молчат, ибо король-то жив пока, и есть надежда, что все как-нибудь обойдется. В 1133 году Матильда рождает первого сына, Генриха, в следующем году – второго сына, Жоффруа. Старый король Генрих Первый отходит от дел, приезжает во Францию, в Руан, где Матильда живет с мужем и сыновьями, и начинает возиться с внуками. Типа надоело ему править, пора и честь знать. Больше тридцати лет на престоле просидел, наруководился досыта. А в 1135 году Генрих Первый умирает. И началось!

Стефан, тот самый, который так удачно верхом на толчке проскакал мимо неминуемой гибели, решил заявить свои права на престол. Он – сын сестры покойного короля. Он – внук Вильгельма Завоевателя. Он – ближайший наследник мужского пола в отсутствие законных детей-мальчиков у Генриха Первого. Так почему бы и нет?

Бароны, зная, что король Генрих их кинул, решили прислать ему ответочку. Раз король своего слова не сдержал, то и они не станут честь блюсти, тоже кинут покойничка. Стефан, ровно так же, как и его предшественник, метнулся кабанчиком в Винчестер, наложил лапу на казну, в чем ему помог его родной братишка Генрих, он же епископ Винчестерский, а бароны Стефана поддержали, и в декабре 1135 года он был коронован.

Отступление

Как же так, дорогие мои? Генрих Первый, подозрительный, предусмотрительный, осторожный и злопамятный, не предвидел, что в ответ на обман получит от баронов горячий привет? Это с его-то характером? Как он мог так оплошать? О чем вообще думал?

Наверняка у историков и хронистов-современников давным-давно сформулирован ответ на этот вопрос и даже есть документальные подтверждения. И если бы учитель истории в школе или преподаватель истории государства и права зарубежных стран в университете обрисовал своим ученикам эту ситуацию и задал вышеуказанный простой вопрос, то мы, ученики то есть, кинулись бы ломая ноги по библиотекам в поисках ответа, перечитали бы кучу литературы и попутно узнали бы (и запомнили! И усвоили бы!) много всего нужного и важного для понимания того, как развивалось в ту эпоху государственное строительство и право. Но не попалось на нашем жизненном пути таких преподавателей...

И вопрос о Вильгельме Завоевателе можно было бы задать: почему он именно так поделил свое наследство? Почему старшему сыну – Нормандию, а среднему Англию?

И про гибель Рыжего Руфуса Вильгельма можно было спросить: что ж там на самом деле-то произошло? И при-

ложил ли обиженный младшенький руку к гибели старшего брата?

Эх, много чего полезного мы узнали бы, кабы учили нас по-другому! А ведь таких интересных для юных умов вопросов в истории великое множество. Глядишь, и предмет изучали бы с увлечением.

Генрих Первый

Годы жизни: 1068–1135.

Годы правления: 1100–1135.

Преемник – племянник Стефан.

О роли диареи в мировой истории, или Стефан Первый

Что ж, начал король Стефан вполне законно. Ему страшно повезло: за годы мирного существования Генрих Первый смог обогатить казну, денег в ней было достаточно. Но деньги быстро закончились, потому что Стефан затеял войнушку с Шотландией и в целом в экономике был лопух лопухом. По свидетельствам современников, был он человеком спокойным, вежливым, обходительным, что, конечно, неплохо. Но вот милосердие, которое он проявлял к своим врагам, — это уже было совсем лишним. Щедрость, с которой он платил войскам, одержавшим победу над Шотландией, привела к тому, что в казне почти ничего не осталось, и в итоге выросли цены, чего экономически неграмотный новый король не предвидел. А тут и Матильда очнулась и заявила свои права на престол. Началась гражданская война между кузенами Стефаном и Матильдой, а бароны радостно потирали ручки, предвкушая богатый улов в мутной водичке.

Матильда воевала... думаете, при помощи кого? Мужа? Да прям-таки! Жоффруа был занят своими делами, у него там тоже всякие войнушки были, по ту сторону пролива. Помогал Матильде ее брат-бастард, один из многочисленных внебрачных детей Генриха Первого, по имени Роберт Глостерский (папаня ему в свое время титул отжалел). Война

шла с переменным успехом, но Стефан одерживал победы все-таки почаще, чем это удавалось Матильде и Роберту. Однако удача непостоянна, и в 1141 году король был схвачен, взят под стражу и заточен в темницу. Матильда уселась на трон, но коронации так и не дождалась: не по сердцу она пришлась англичанам. Высокомерная, властная, деспотичная, чрезмерно и вызывающе тщеславная, она не сумела найти общий язык с англичанами, она их не знала и не понимала, ведь с 9 лет ее не было в стране, у нее здесь не нашлось ни друзей, ни близких, которым можно было бы доверять. В то же время супруга попавшего в плен Стефана не сидела без дела, собрала армию и двинула ее против Матильды, сторонники которой как раз начали разбегаться, почуяв, что обещанных пряников скорее всего не дождутся. Роберт-бастард был схвачен, его обменяли на Стефана, и все началось сначала. Воевали еще 12 лет.

В ходе всей этой катавасии в дело шло не только железное оружие, но и идеологическое. Какому-то умнику пришло в голову, что Матильдина мамаша до 20 лет находилась в монастыре, то есть являлась «невестой Христовой», стало быть, замуж выходить мирским манером никакого права не имела. А коль так – брак Эдит-Матильды с Генрихом Первым следует признать недействительным и аннулировать, а рожденную в этом «неправильном» браке Матильду нужно считать незаконнорожденной и не имеющей права на престол. Идея понравилась массам, была подхвачена и долго и с удо-

вольствием муссировалась. Как мы увидим из дальнейшего рассказа, такая фенечка впоследствии использовалась многократно. Прецедент, будь он неладен!

А тем временем подрос старший сыночек Матильды, Генрих. Он родился в 1133 году, и к 1147 году ему исполнилось 14 лет. По меркам того времени – вполне уже мужчина. И на брачное ложе пора, и на войну можно. Генрих пришел на помощь матери, привел войска, но удачливым не был, Стефан постоянно брал над ним верх, а после особо разгромного поражения в битве под Криклейдом даже помог мальчику вернуться домой, в Нормандию. Я ж говорю, великодушным был король Стефан, милосердным.

Ему и самому воевать уже смертельно надоело. Поэтому в Винчестере в 1153 году враги наконец договорились: Матильда больше не станет протягивать жадные лапки к английскому престолу и оставит Стефана в покое, а Стефан, в свою очередь, провозгласит своим преемником ее сына, Генриха Анжуйского. Такой исход всех устроил, ведь мальчонка – прямой потомок Генриха Первого, родной внучок, все законы кровного наследования соблюдены.

Казалось бы, хеппи-энд. А вот года не прошло – и помер наш Стефан в страшных мучениях. Не то от острой кишечной инфекции, не то отравили беднягу – в этом вопросе у историков единодушия нет. Желających, чтобы править начал молодой Генрих Анжуйский, было предостаточно, включая и самого юного Генриха, и его любящую мамочку.

А вам как кажется? От чего скончался король Стефан? Может, у него и вправду был слабый кишечник, не зря же тот исторически значимый понос приключился. А может, и в самом деле кто-то постарался...

Король Стефан

Годы жизни: ок. 1092/1096–1154.

Годы правления: 1135–1154.

Преемник – двоюродный племянник Генрих.

Плантагенеты

«И пришли Плантагенеты», или Генрих Второй

В декабре 1154 года на английский престол взошел первый француз – молодой Генрих Анжуйский, сын Матильды и Жоффруа Плантагенета, коронованный как Генрих Второй.

Ему 21 год. Чего он достиг к этому возрасту? А многого! Во-первых, в 16 лет он стал герцогом Нормандии. Во-вторых, через два года, когда скончался его отец Жоффруа, к Генриху перешел титул графа Анжуйского. (Если кто поленится посмотреть карту – напомним, что графство Анжу примыкает к Нормандии с юга, то есть оба владения граничат друг с другом и вместе образуют уже более обширную территорию). В-третьих, он успел жениться на Алиеноре Аквитанской и таким манером стал герцогом Аквитании, которая по площади больше, чем Нормандия вместе с Анжу, и, опять же, имеет границу с графством Анжуйским. Все вместе – это практически пол-Франции тогдашней, и уж точно многократно больше, чем королевский домен, который рядом с владениями Генриха выглядит скромным загончиком

для скота. Просто забавно: Генриху Второму, королю Англии, принадлежит значительная часть Франции, при этом технически он продолжает оставаться вассалом французского короля, его подданным. Вот ведь засада!

Как мы с вами уже договаривались, про политику, государственное строительство, экономику и прочее «умное» мы разговаривать не будем: не того полета я птица, чтобы про такие высокие материи рассуждать. Мы пишем шпаргалку для понимания извивов престолонаследия и в конечном итоге для получения большего удовольствия от чтения романов и просмотра кинофильмов. Нас интересует в первую очередь, у кого какой характер, кто на ком женился и кто кому наследует и почему. Для дилетанта вроде меня этого более чем достаточно.

Остановимся чуть подробнее на Алиеноре Аквитанской, жене Генриха Второго, потому как это крайне интересная персона. Год ее рождения историками точно не установлен, то ли 1122-й, то ли 1124-й, то ли где-то между ними. Исходят из того, что минимальным брачным возрастом по законодательству того периода были 12 лет, максимальным – 15 лет (то есть после 15 лет девица уже считалась перестарком и в жены приличному человеку не годилась), а документально подтвержденная дата бракосочетания Алиеноры и французского принца Людовика – 1137 год. Подумать только: будущему королю Генриху Второму еще только 4 годика, а Алиенора уже замуж выходит за своего первого мужа!

Принц Людовик был у своего папы, французского короля Людовика Шестого, вторым сыном, то есть престолонаследником не считался и готовился к принятию церковного сана, воспитывался в монастыре. Во Франции, как и в Англии, да и повсюду, ценился только старший сын, всех остальных детей держали «про запас» или использовали для политических нужд отечества. Но когда его старший брат Филипп погиб, все пришлось переиграть: Людовик стал наследником. В 11 лет мальчика забрали из монастыря, быстренько короновали и миропомазали, сделав соправителем папы-короля. Однако почитание церкви и всего с этим связанного въелось в Людовика накрепко. На момент женитьбы на Алиеноре ему было 11 лет. Через неделю после свадьбы сына папа-король скончался, и принц плавно превратился в короля Людовика Седьмого.

По свидетельствам хронистов, Людовик свою жену обожал «пылкою любовью». Даже взял ее с собой в крестовый поход, расставаться не хотел. За 15 лет брака (с 1137 по 1152 год) у них родились две дочери, что по меркам того времени было явно маловато (вспомним Вильгельма Завоевателя). И в 1152 году супруги вдруг развелись. Формальной причиной для аннулирования брака было объявлено кровное родство супругов (третья степень родства). Но кого этим обманешь! Можно подумать, на момент заключения брака в 1137 году эта степень родства была какой-то другой... По условиям развода дочери оставались с королем, а Алиенора сохраня-

ла за собой все свои земли в Аквитании. Ежу понятно, что причина развода – в отсутствии наследников мужского пола, и Людовик наивно надеялся, что причина такого безобразия – исключительно в неудачной жене. Вот женится снова – и пойдут мальчишки длинной чередой. Ну-ну... Хотеть, как говорится, не вредно.

Прошло всего два месяца – и в мае 1152 года Алиенора, которой непонятно сколько лет, то ли 30, то ли 27, вступает в брак с восемнадцатилетним Генрихом Плантагенетом, герцогом Нормандии. Все это мероприятие провернули очень быстро и в обстановке строжайшей секретности. Алиенора мало того что красавица редкостная, так еще и богатейшая женщина Европы, владелица огромной и богатой Аквитании, момент упустишь – такую невесту с руками оторвут. Но, как говорится, есть нюанс: свадьба Алиеноры и Генриха состоялась 18 мая 1152 года, а первого ребенка от нового мужа наша Алиенора родила в том же 1152 году. Считать все умеем? Правильно, никак не мог быть этот ребеночек, сын Уильям, зачат в мае. Самое раннее – конец марта, то есть за два месяца до бракосочетания. Прожил Уильям недолго, всего 4 годика, но 4 года – это слишком много для недоношенного семимесячного младенца, особенно учитывая состояние медицины в XII веке. Стало быть, носила Алиенора полный срок, как положено, 40 недель. Да, похоже, что разговоры о страстном романе между юным принцем Генрихом и взрослой королевой Франции не так уж и беспочвенны.

Через два года, в 1154 году, Генрих стал королем Англии Генрихом Вторым, Алиенора – королевой, а половина Франции отныне принадлежала Плантагенетам. Вот этот момент нужно держать в голове, чтобы не забыть, когда дело дойдет до Столетней войны. Именно тут «собака порылась». Или, по крайней мере, начала рыть.

В браке с Генрихом Вторым Алиенора Аквитанская родила не то восемь, не то девять детей, из которых в детстве умерли только двое (по сведениям из других источников – трое), остальные благополучно дожили до зрелого возраста. Сравните с двумя детьми за 15 лет первого брака... Алиенора явно была плодовитой и очень здоровой женщиной, что заставляет еще раз задуматься об истинных причинах развода с королем Людовиком Седьмым. Людовик, что очевидно, винил жену в отсутствии сыновей, а жена имела все основания обижаться на отсутствие процесса изготовления этих самых сыновей. Зато новый муж, Генрих Второй, судя по результатам, процесс сей дюже любил и относился к нему ответственно.

Теперь вернемся к королю Генриху. Энергичный, непоседливый, нетерпеливый, он постоянно что-то делал, чем-то занимался, не выносил безделья и покоя, даже ел стоя, чтобы скорее бежать дальше. Рослый, сильный, склонный к вспышкам злобы, он, как уверяют современники, никогда не терял чувства юмора. В гневе он был страшен. По-английски не говорил, пользовался только французским или латынью. Мно-

го времени проводил в своих французских владениях, очень любил родную землю и носил одежду по анжуйской моде, за что снискал себе прозвище Короткий Плащ (англичане носили длинные плащи до земли, а анжуйцы – более короткие).

Генрих Второй вступил в жестокое и длительное противостояние с архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом (помните, мы упоминали это имя, когда говорили о невесте куда девшемся ребенке Матильды, рожденном в браке с императором Священной Римской империи. Вполне возможно, что Томас Бекет – единоутробный брат короля). Суть противостояния, длившегося шесть долгих лет, мы описывать здесь не будем, отметим лишь, что коронация считалась привилегией именно Кентербери. Но у Кентербери был давний соперник, Йорк, Вестминстерское аббатство. Да все понятно: власть, владения, влияние... Как обычно. Так вот, чтобы окончательно ущемить Томаса Бекета, Генрих затеял коронацию своего старшего сына Генриха (а я предупреждала, с именами легко не будет), Молодого Короля, и провел эту коронацию архиепископ Йоркский в Вестминстерском аббатстве. Ну, якобы «коронация при жизни отца для обеспечения безопасности династического наследия». Короче, демонстрация отношений и предпочтения. Однако ж поступок был более чем серьезный. Все мы смотрим английские и американские детективы и хорошо знаем слово «прецедент». Есть континентальное право (как у нас и вообще почти всюду), а есть прецедентное, как в Ан-

глии, США и в тех странах, которые приняли эту систему (их меньшинство). Так что значение прецедента, особенно в те времена, трудно переоценить. История с Бекетом кончилась трагически – священника зверски и жестоко убили в угоду королю, который вполне прозрачно намекнул, дескать, хорошо бы кто-нибудь избавил монарха от этой постоянной головной боли. Обо всем этом можно прочесть и у Чосера в «Кентерберийских рассказах», и у многих других авторов. Мы же возвращаемся к престолонаследию.

У Генриха Второго и Алиеноры Аквитанской было четверо сыновей. И нужно было решить вопрос не только о том, кто будет следующим королем (с этим-то как раз все просто: старший сын, тем более он уже и коронован «в профилактических целях»), но и о том, кому что достанется. Иными словами, наследство распределить. И если в момент бракосочетания с Алиенорой Генрих создал свою англо-французскую империю, то теперь ее предстояло поделить. Все псу под хвост! Как же разделить, чтобы сохранить единство? Задача, однако... Дележка состоялась.

Генриху Молодому Королю – Англия, графство Анжус и Нормандия.

*Ричарду – герцогство Аквитанское (мамкино приданое).
Джефффри – удачно женился и стал герцогом Бретонским, ему и хватит.*

Иоанну (Джону) – ничего. Отсюда и прозвище его – Безземельный.

Опять младшенького обидели.

И даже не подумали, что потом это боком выйдет.

Братья и так-то друг друга ненавидели, поскольку наследство и его дележ никого до добра не доводят, а тут еще Адель (она же Элис, она же Алиса, она же Алэ) Французская нарисовалась. Кто такая? Вы удивитесь, но это дочь французского короля Людовика Седьмого, ага, того, набожного, первого мужа Алиеноры. Он женился второй раз на испанской инфанте Констанции Кастильской, которая родила сначала дочку Маргариту, а потом умерла при родах, произведя на свет вторую дочку, Адель. (Опять бедолага Людовик Седьмой просчитался! И со второй женой только две девочки получились! Ну ничего, Бог троицу любит, вдовый король женился в третий раз, и тут уж ему наконец свезло: родился мальчик, будущий король Филипп Август). Адель сосватали за второго сына Генриха и Алиеноры, Ричарда. Ну и как водится, восьмилетнюю девочку немедленно отправили на воспитание ко двору будущего мужа, в Англию. Тут-то папаша Генрих ее и заприметил. И не только заприметил. Дождался, когда она достигнет половой зрелости и далее везде. Все были в курсе. Смотрите фильм «Лев зимой», смотрите спектакль «Аквитанская львица», вам будет интересно. Но вообще-то ничего сверхъестественного в таких браках не было. Например, старшая дочь того же Людовика Седьмого Маргарита была замужем за старшим братом Ричарда, коронованным Генрихом Молодым Королем. Как говорится, все в

дом, все в семью, а чужие здесь не ходят.

Но прикиньте, каково было юному Ричарду и его маме королеве Алиеноре! На глазах всего двора король пользуется невесту сына! И не просто пользуется, а практически присвоил, как вещь: не дает Ричарду жениться на Адели – и хоть тресни. Все тянет и тянет, предлоги разные придумывает, то политикой прикроется, то войной очередной, то еще чем-то. А годы-то идут...

Король Генрих Второй чувствовал себя отлично: приданое Адели (не очень обширные, но стратегически важные земли во Франции на расстоянии всего дня пути от Парижа. Поставь там свои войска – и французский король, считай, у тебя под каблуком) он прикарманил еще в тот момент, когда увозил ее из объятий папочки Людовика в холодную неприступную Англию. Так что юридически бракосочетание сына с французской принцессой ему было сто лет не нужно. Когда девочке исполнилось 14 лет, Людовик нахмурил брови и спросил: «Когда же дочкина свадьба?» – «Будет!» – весело пообещал Генрих Второй и продолжил свои сексуальные забавы. Когда девочке исполнилось 17, к процессу подключился Папа Римский и стукнул кулаком по столу: «Когда свадьба?! Не отдашь девку сыну – от церкви отлучу!» Генрих снова пообещал. Интересно, почему ему верили? Наверное, умел быть убедительным и выглядеть искренним. Может, харизма такая была, черт его знает. Адели 23 года – Генрих снова подтверждает: «Отдам, не волнуйтесь». Адели 26 лет –

снова одни подтверждения и обещания, причем не бла-бла-бла за рюмкой водки, а по-серьезному, в официальных переговорах, с составлением соответствующих документов.

В конце концов все закончилось тем, чем и должно было: Адель забеременела и родила сына от Генриха Второго. Ну и куда его? Когда ей было 29 лет, Генрих умер.

Теперь ничто не могло помешать Ричарду жениться на Адели Французской. Да только не больно-то он этого хотел. Очень надо! Обьедки с отцовского стола... Есть невесты и получше, Ричард уже к двум подкатывал, но потом расторгал договоренности. Тем не менее после смерти отца принц Ричард произвел некоторые телодвижения, намекавшие на то, что он, может, еще надумает жениться на Адели. Адель обрадовалась, но тут ее поджидало глубокое разочарование. То ли Ричард из злости и мести решил ее публично обломать, то ли девушка намек неправильно истолковала, но свадьбы не было. В этом неопределенном состоянии Ричард промучил бедняжку еще целых два года. И только через два года объявил громко и официально, что «банкета не будет!». Типа «не могу взять ее в жены из-за ее бесчестья». И тут же демонстративно женился на Беренгари Наваррской. Прямо в том же году.

Во Франции к тому времени уже и король сменился, Людовик Седьмой благополучно отбыл в мир иной, на престол сел его сын от третьего брака, Филипп Август, единокровный брат Адели. Он понимал, что девица хоть и неполнород-

ная, но все ж сеструха, и надо куда-то ее пристраивать. Думал-думал, решал-решал, попытался впихнуть ее младшему брату Ричарда, Иоанну (Джону). Джон, правда, был к этому времени уже женат, но какое это имело значение? Кого это могло остановить? Разводы, как мы уже видели, организовывались без проблем, близкородственные браки давали к этому массу оснований. Джон гордо отказался. На фиг ему сдалась порченная девица, к тому же батя ее столько лет пользовал, а старший брат публично осрамил и послал. А Адели уже 33... И только в 1195 году, когда принцессе исполнилось 35 лет, удалось пристроить ее за графа. Жених был на 18 лет моложе невесты. Какое унижение!

Вы уже, вероятно, догадались, что Ричард – это будущий король Ричард Львиное Сердце, тот самый «хороший парень» из «Айвенго» и из баллад о Робин Гуде. А Джон – будущий король Иоанн Безземельный, то есть «плохой парень» принц Джон. Если знать все внутрисемейные подробности, то картинка выглядит несколько иначе, правда?

В целом же, как пишет Питер Акройд, «это была очень вздорная семья», и мир между четверьмя сыновьями оказался недостижим, несмотря на все усилия папаши. Каждый мальчик хотел власти, денег, земель и короны, детки без конца воевали друг с другом, отнимали друг у друга, занимались самозахватом и всячески ссорились. Алиенора тоже в стороне не стояла, у нее как у нормальной матери были свои любимчики среди детей, и позиция дорогого супруга устра-

ивала ее далеко не всегда. В итоге двое старшеньких, Генрих Молодой Король и Ричард, при поддержке маменьки подняли восстание против папы-короля и проиграли. Но это бы еще ничего, свои люди внутри семьи между собой как-нибудь разберутся, но беда в том, что Генрих Молодой Король ухитрился подхватить дизентерию, пока скитался в попытках убежать от папиного гнева. Ну и помер, само собой. А коварную супругу Алиенору король Генрих Второй упрятал в изгнание в далекий замок и велел на глаза не показываться. Не простил, стало быть. Тоже можно понять: где это видано, чтоб сыновей на родного папашу натравливать!

Сыновей осталось трое. Вроде бы уже легче делить-то... Но ведь для этого нужно переделить то, что Генрих Второй раздал раньше. Теперь следующим королем предстояло стать Ричарду, второму по старшинству. Ему папаня ранее уже отписал Аквитанию (напоминаю: мамкино наследство), но теперь рассудил, что английская корона да плюс Аквитания – жирновато будет. И повелел Ричарду отдать Аквитанию самому младшему, Иоанну, которому при прежней делёжке вообще ни фига не перепало. А Ричард дурак, что ли, такой лакомый кусок отдавать? Он, натурально, пошел в отказ, послал всех лесом, хлопнул английской дверью и вернулся в Аквитанию. Тогда папа Генрих Второй начал науськивать младшего, Иоанна, дескать, собери войско, пойдешь на Ричарда войной и отбери то, что я тебе отжалел. Как это так: сын посмел не выполнить мою волю?! Непорядочек! У Иоан-

на, как мы помним, своих земель-то не было, так откуда ему войско набрать? Войска набирались в вассальных владениях, а их бедняге Иоанну не досталось. Зато у брата Джеффри была Бретань (опять напоминаю: приданое от удачной женитьбы на бретонской принцессе Констанции), где он командовал как хотел и где была очень приличная армия наемников. Иоанн договорился с Джеффри, и они, взявшись за руки, выступили против старшего брата, Ричарда. Но неудачно. Ричард зело рассердился, братьев победил и в отместку завоевал Бретань.

Генрих Второй сообразил, что решение о переделе оказалось не оптимальным, и принялся ломать голову, как бы еще исхитриться и распределить наследство. Аквитанию Ричард младшему брату не уступил, но надо же что-то мальчику дать, а то так и будет ходить обиженным и снова какую-нибудь свару затеет. А пусть берет себе Ирландию! Тогда и Аквитания не нужна. А с Ричардом, непокорным сыном, посмевающим ослушаться, что делать? Надо же как-то наказать парнишку, чтобы другим неповадно было... А вот мы отберем у него обещанную корону, пусть сидит в своей ненаглядной Аквитании, если она ему так безумно дорога, а Англию вместе с Нормандией и Бретанью мы отдадим сыну Джеффри. Гениальное решение!

В общем-то, решение было действительно неплохим. Джеффри был из всех четверых сыновей самым умным, образованным, грамотным, а раздел земель король Генрих про-

думал тщательно и взвешенно. Но... Джеффри за какой-то надобностью принял участие в турнире в Париже и благополучно погиб.

Сыновей осталось двое. Ричард и Иоанн. И снова Генрих Второй начал ломать голову: кому чего и сколько. Братья мало чем отличались друг от друга, оба были жадными и эгоистичными, и король в течение пяти лет валял ваньку и отказывался называть имя наследника. Мол, никак не решит, кто же станет следующим королем. Терпение у Ричарда лопнуло, и в 1188 году он взял да и принес королю Франции вассальную клятву за Аквитанию и Нормандию. Дескать, если ты, папа любимый, не хочешь назвать меня наследником престола, то не будет в твоей империи больше ни стратегически важной Нормандии, ни богатой и красивой Аквитании. Шиш тебе, а не империя!

Генрих Второй сдался и уступил. Все-таки альянс молодого принца Ричарда с французским королем – сила немалая, ссориться с ними опасно. Король назвал своим преемником Ричарда и очень скоро умер. Имя Иоанна стояло первым в списке тех, кто присягнул королю Ричарду на верность.

Генрих Второй Плантагенет

Годы жизни: 1133–1189.

Годы правления: 1154–1189.

Преемник – Ричард, старший из выживших сыновей.

«Пацан сказал – пацан сделал», или Ричард Львиное Сердце

Ну, что вам сказать о Ричарде? Тщеславный и воинственный мальчик он был. По Аквитании и Нормандии он всего лишь герцог, вассал французского короля, хотя земли огромные и богатые, а вот в Англии он суверен, король, единоличный правитель и вообще вершитель судеб. Собственно, за эту позицию он и воевал, самолюбие потешить дабы. Как таковая Англия ему была не нужна: там погода плохая, и вообще он больше любит Францию, где жить куда как приятнее. Более того, Ричард страсть как любил воевать (что в принципе нормально для любого рыцаря той эпохи), а если повоевать не с кем, то хотя бы в турнирах поучаствовать, главное – оружием побряцать. Генрих Второй турниры в Англии запретил, а в Аквитании они цвели пышным цветом, было Ричарду где разгуляться. Ну и вообще, война считалась главной привилегией и обязанностью владыки, кто не воюет – тот неудачник и слабак. Мы об этом еще вспомним, когда дело дойдет до Генриха Шестого и Ричарда Второго.

Был Ричард Первый высоченным-здоровенным, синеглазым гигантом под 190 см ростом. Как только короновался – начал собираться в Крестовый поход. Опустошил сокровищницу, повысил налоги, наделал долгов, но деньги на поход собрал и отправился. Заодно и остров Кипр захватил, по

пути было. И тут отличился: пообещал лидеру Кипра, что не закует его как проигравшего в железо. Лидер поверил. А Ричард приказал выковать для поверженного противника цепи из серебра. Ну а чего такого? Слово же сдержал, цепи не железные. Пацан пообещал – пацан выполнил.

А вот на обратном пути все сложилось уже не так удачно, и Ричард Первый попал в плен к австрийскому герцогу Леопольду Пятому. Леопольд неожиданно отхватил жирненький кусок: английского короля можно было выгодно продать, что австрийский герцог и сделал, продал Ричарда германскому королю. Пока Ричард мотылялся «по тюрьмам да по ссылкам», французский король тоже не дремал. Филиппа Августа вы же помните? Сын короля Людовика Седьмого от третьего брака, единокровный брат многострадальной матери-одиночки Адели Французской, он отлично помнил, как противный Ричард Львиное Сердце опозорил свою невесту, а тут и повод свести счеты подвернулся. Начал-то, само собой, Генрих Второй, но он же умер, а с покойника что возьмешь? Ему не отомстишь, а вот живому – вполне можно. Филипп Август призвал к себе Иоанна, и пацаны быстренько договорились: Иоанн приносит клятву верности королю Франции, а взамен король Франции поддержит узурпацию Иоанном английского трона. Неплохая сделка вышла. И земли в прибытке, и Ричарду большая фига.

Иоанн вернулся в Англию и всем громогласно объявил, что король Ричард Первый мертв. Ура! Обиженный млад-

ший сыночек, изначально обделенный землями, не имевший никаких шансов на корону, поскольку был четвертым сыном, вдруг получил возможность залезть на престол. Это ли не чудо?

Но до коронации дело не дошло: обман не прокатил, Иоанну не поверили. Сначала его попытались прижать те епископы, которых король Ричард Первый оставил вместо себя приглядывать за страной, а потом стали известны суммы, которые германский император требует за освобождение Ричарда. Началась отчаянная торговля, в результате которой размер выкупа увеличился вдвое. Как говорится, не хотите по-плохому – по-хорошему будет еще хуже. Похоже, Иоанн, он же принц Джон, оказался никудышным переговорщиком. Чтобы выплатить такой огромный выкуп, пришлось и налоги поднять, и многих ущемить, провести конфискации, короче, страну обглодали до костей. Иоанн вместе с королем Франции, с которым он теперь был в дружбанах, предложил германскому правителю еще больше денег, чтобы тот не выпускал Ричарда, подержал его в тюрьме подольше. Но германский правитель на уговоры не поддался и на обман не пошел, принял у Англии запрошенную сумму, и король Ричард Первый вернулся домой. Чем поверг в шок кое-каких лордов, которые с дурна ума поверили Иоанну и успели захватить собственность Ричарда. В общем, здравствуй, «Айвенго», привет вам, нескончаемые баллады о благородном разбойнике Робин Гуде.

Перед Крестовым походом Ричард, как мы помним, успел жениться на Беренгариин Наваррской, но детьми не обзавелся. Как ни странно, но бастард у него обнаружился только один (Филипп де Фоконбридж, граф де Коньяк, мы о нем скажем чуть дальше), что дало некоторым историкам возможность поднять оставшийся без ответа вопрос о сексуальных предпочтениях бравого солдата Львиное Сердце. Воином-то Ричард был превосходным, тут никаких сомнений нет, а вот в остальном... О том, что братец Иоанн – товарищ ненадежный и легко подвержен дурному влиянию, Ричард отлично знал, посему, отбывая в Святую землю, назвал преемником Артура Бретонского, своего племянника, сына покойного брата Джеффри, убитого на турнире. А то мало ли как жизнь повернется в трудном походе, не должна страна без руководства оставаться. Ну и что, что мальчонке всего три годика! Да пусть кто угодно, лишь бы не зловредный и коварный Иоанн, а Артур «какой ни есть – а он родня», как пел Высоцкий. Своя кровь.

Когда Ричард в 1199 году умер, так и не оставив законнорожденных детей, возле престола начали топтаться двое: слегка подросший Артур Бретонский, официально названный следующим королем Англии, и неудалый брательник Иоанн. Если Ричарда прозвали Львиным Сердцем, то Иоанн известен в народе как Зловещий Король. С Ирландией у него не заладилось, характер дурацкий не дал выстроить нормальные отношения с ирландской знатю. Однако поскольку

он вырос и жил в Англии, то английские бароны и магнаты склонны были отдать предпочтение ему, а не бретонскому мальчику, чужестранцу совсем малых лет. Едва услышав о смерти брата, Иоанн быстренько подсутился и за месяц все обстригал. В итоге короновался как Иоанн Первый.

**Ричард Первый Плантагенет
(Львиное Сердце)**

Годы жизни: 1157–1199.

Годы правления: 1189–1199.

Преемник – младший брат Иоанн.

«Неглупый парень», или Иоанн Безземельный

Вот уж не знаю, из каких соображений Кончаловский в своей экранизации пьесы «Лев зимой» сделал принца Джо-на придурковатым, чуть ли не олигофреном. На самом деле с головой у Иоанна Первого все было в полном порядке. И именно при нем была принята та самая Великая хартия вольностей, которую мы изучали и в школе, и в университете, и в которой черным по белому прописано, что признать человека виновным можно только по суду, правосудием торговать нельзя и каждый имеет право на справедливое судебное разбирательство без необоснованных проволочек. Вся система цивилизованного правосудия до сих пор стоит на этих трех китах, а вы говорите – придурочный. Всем бы нам быть такими придурочными. Правда, Иоанн согласился на эту хартию исключительно для того, чтобы усмирить баронов, поднявших против него мятеж, и следовать принятому уже изначально не собирався, но это совсем другой вопрос. Одни историки считают правление Иоанна катастрофичным для Англии, а другие полагают, что он был вполне приемлемым монархом, не хуже своего старшего брата Ричарда Первого.

Артур Бретонский между тем сгинул с концами. Мальчик он был не слабый, своего отдавать не собирався, но

и Иоанн поблажек племяннику не давал. В итоге пятнадцатилетний Артур свалил во Францию, начал воевать с дядюшкой за анжуйские земли, потом замахнулся на родную бабюлю Алиенору Аквитанскую, в общем, показал себя настоящим Плантагенетом: злобным, воинственным, жадным и упрямым. Иоанн, услышав о том, что Артур угрожает Алиеноре, кинулся выручать мамку, всех победил, Артура схватил и засунул в темницу в Нормандии. Артур упирался, требовал себе земли, которые ему когда-то пообещал Ричард Львиное Сердце, и в конце концов ужасно надоел своему дяде Иоанну с этими дурацкими притязаниями. Больше Артура Бретонского никто не видел. Куда он делся – никто не знал тогда, никто не знает и сегодня. Дата его рождения известна, дата смерти отсутствует (хотя в некоторых источниках она есть, но указывается предположительно). Поговаривали, что убили мальчика по-тихому по приказу Иоанна, чтобы не отсвечивал рядом с английским престолом и не разевал рот на английские владения во Франции. Но ни свидетельств, ни останков, ни живого Артура никто так и не нашел.

Отступление

Из пьесы Шекспира «Король Иоанн» можно сделать вывод о том, какими виделись драматургу личностные характеристики Иоанна, его мамы Алиеноры Аквитанской и юного племянника Артура Бретонского. Рассмотрим их на при-

мере всего двух эпизодов.

Пьеса начинается с событий, происходящих в Тронном зале королевского дворца. К королю является французский посол Шатильон и именем своего повелителя, французского монарха, требует, чтобы Иоанн перестал называть себя королем, признал права Артура Бретонского, уступил мальчику законное место на английском престоле и вернул захваченные несправедливым путем земли. Можно было бы пересказать их короткий диалог современным языком, но в данном случае, мне кажется, уместнее и проще процитировать.

Король Иоанн

А если мы на это скажем: «Нет»?

Шатильон

Тогда – война. Ее жестокой силой

Неправое насилие сокрушится.

Король Иоанн

Вот наше слово: на войну – войной,

И кровь за кровь, и сила против силы.

Шатильон

Прими же вызов короля. На том

Кончается мое к тебе посольство.

Король Иоанн

Вот и все. Никаких попыток представить свои аргументы, убедить, смягчить позицию противной стороны. Ни малейших проявлений дипломатии. Проще говоря: как что не по нраву – кулаком в рыло. Ни тебе гибкости, ни изворотливости. После такой сцены нетрудно представить, почему Иоанн провалил в свое время переговоры с германским императором по поводу суммы выкупа за освобождение из плена Ричарда Львиное Сердце.

Далее в этой же сцене появляются два брата, сыновья некоего рыцаря Роберта Фоконбриджа, сподвижника и соратника покойного короля Ричарда Львиное Сердце. У них имеются взаимные претензии, которые они и просят короля разобрать. В чем же суть? А в том, что младший сын (тоже, как вы понимаете, по имени Роберт) считает себя законным наследником покойного отца, а старший (в «титрах» и в тексте пьесы он фигурирует под именем Бастард, но представляясь королю, называет свое имя: Филипп. Вспомнили? Кому лень напрягать память – перелистните пару страниц назад) с этим, натурально, не согласен. Он же старший! Стало быть, все должно достаться ему. Король в недоумении уточняет у Роберта: «Он старший, а отца наследник – ты? Наверно, вы от разных матерей?» Младший, Роберт, объясняет, что мать-то у них одна, а

¹ Шекспир У. Король Иоанн (пер. Н. Рыковой), акт I, сцена 1. Полн. собр. соч. в 8 томах. – М., 1958 г. Т. 3.

вот с отцами проблема: старший брат, по всем подсчетам и календарям, был зачат аккурат в тот период, когда папа Роберт поехал вести сложные переговоры с германским императором. Отправил его в ту поездку лично король Ричард Львиное Сердце, а сам немедленно переселился в замок Фоконбриджей и закрутил всякое такое с женой командированного. Вот от этого «всякого такого» и родился старший сынок. Папа вернулся из поездки, подсчитал и заподозрил неладное, поэтому на смертном одре завещал все земли и имущество младшему сыну, в кровном родстве с которым был уверен полностью. Старший же сын занял такую позицию: раз факт супружеской измены не доказан официально – я законный старший сын и все должно отойти мне.

Какое же решение принимает король Иоанн? А вот послушайте. Первое: факт измены считаю доказанным, признаю, что старший сын Фоконбриджа рожден от моего родного брата короля Ричарда Львиное Сердце. Второе: старший сын рожден в законном браке и потому должен считаться законным сыном Фоконбриджа, имеющим все права на наследство. Если дословно, то звучит так:

*...И вот мое решение:
От сына матери моей рожден
Наследник твоему отцу: он должен
Отцовское наследье получить.*

Вот и весь сказ. То есть и ты, младший сын, прав, считая, что брат рожден не от отца, а от короля Ричарда,

и ты, старший, прав, что считаешь наследство своим. Как в том старом анекдоте: и ты, Сара, тоже права. Снова мы видим прямолинейность и полное отсутствие гибкости, нежелание и неумение искать компромиссы и договариваться.

Зато Алиенора проявляет совсем другие качества. Она видит, что младший брат, в одночасье лишившийся наследства, ужасно недоволен решением короля Иоанна, и понимает, что сын только что нажил очередного потенциального врага. Королева-мать быстро находит выход из положения и обращается к старшему брату, Бастарду:

Элеонора

Скажи, кем хочешь быть? Как Фоконбридж

Владеть землей и жить, подобно брату?

Иль признанным потомком короля,

Хоть без земли, своей гордиться честью?

Поскольку пишу я шпаргалку именно для ленивых, то есть не только для тех, кому не интересно читать учебники и монографии по истории, но и для тех, кому в лом продираться сквозь стилистические дебри шекспировского поэтического языка, то позволю себе «перевести»: «А теперь, парень, подумай как следует, что тебе выгоднее: быть никому не известным помещиком и протирать штаны за конторскими книгами или считаться сыном великого короля со всеми причитающимися пирогами в виде привилегий и почестей?»

Умный ход, показывающий Алиенору прекрасным переговорщиком. Она в два счета перевербовала старшего брата, примерно как Мюллер Штирлица. И волки сыты, и овцы целы: оба брата довольны, каждый получил свое, никто из них не заковырял на Иоанна. Ясно же, что старший брат радостно согласился. Но Алиенора не останавливается на достигнутом, она идет дальше, потому что видит, что бастард Ричарда проникся к ней благодарностью и восхищением.

Элеонора

Ты молодец! Ну как, отдашь именье?

Пойдешь искать удачи? Мы готовим

Поход на Францию – пойдешь за мной?

В этих трех строчках целая куча смыслов. Во-первых, мать обеспечивает Иоанну еще одного преданного военачальника, что совсем не лишнее в предстоящей войне с Францией. Во-вторых, она убирает одного из братьев подальше от другого во избежание возможного конфликта на тот случай, если вдруг один из них передумает соглашаться с решением короля и начнет раздувать ноздри. Во время отсутствия монарха, который уедет воевать с Францией, лишние междоусобицы в стране совсем ни к чему. И в-третьих, королева ловко использует чувства, только что возникшие у Бастарда: он восхищен именно Алиенорой, придумавшей выход из положения, а вовсе не тупым упрямым королем, потому она и предлагает старшему из братьев идти

именно «за ней», а не за Иоанном. «...Пойдешь за мной?» И буквально через минуту она для закрепления достигнутого успеха добавляет: «Тебе я бабка, помни это». Еще и родством привязала, экая умница!

И дальше идет забавный обмен репликами между Алиенорой и Бастардом, демонстрирующий изрядную склонность обоих к черному юмору.

Бастард

За вами до могилы, госпожа!

Элеонора

Нет, лучше ты меня опереди.

Бастард

У нас, у деревенских, пропускают

Вперед знатнейших.

Помните из русской литературной классики: «Прошу вас». – «Нет, только после вас»? Теперь понятно, у кого слямзили. Вот уж точно, что все новое – хорошо забытое старое.

Вернемся к Иоанну. В следующей сцене действие происходит уже во Франции, под стенами осажденного города Анжера. Французский король Филипп снова взывает к сознательности Иоанна и требует вернуть престол Артуру Бретонскому, говоря примерно следующее: «Джефффри был твоим старшим братом, то есть у него изначально было больше прав на корону, чем у тебя. Артур – сын Джефффри, зна-

чит, по закону о престолонаследии он идет первым, а ты уже потом. Твоя очередь наступила бы только в том случае, если бы Артур умер. Но ведь мальчик жив-здоров! Как же ты можешь отнимать трон у живого наследника?» Ну на самом-то деле речь звучит короче, но я удлинила ее для простоты восприятия (для ленивых же пишу!).

И что отвечает наш Иоанн? Нетрудно догадаться, что у него снова не находится вразумительных и четких аргументов в пользу своей позиции, поэтому он отвечает так, как до сих пор принято у хулиганов и бандитов:

Король Иоанн

А от кого ты право получил

Допрашивать меня, король французский? ²

То есть коротко, ясно и по существу. Кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы? Просто-таки вершина дипломатического искусства!

Далее начинается совершенно неприличная разборка между Алиенорой и вдовой ее сына Джеффри, Констанцией Бретонской, матерью принца Артура. Алиенора называет Артура (родного внука, между прочим) ублюдком, давая понять, что мальчик вообще не является кровным потомком Джеффри и родила его Констанция неизвестно от кого. Возмущенная сноха отвечает грубо, дескать, я-то своему мужу сроду не изменяла, Артур – законнорожденный, а вот

² «Король Иоанн», акт II, сцена 1.

насчет его папашки, твоего сына Джефффри, такого сказать нельзя, ты же известная шлюха. Здесь явственно звучит намек и на то, что во время Крестового похода с первым мужем, Людовиком Седьмым, Алиенора умудрилась ввязаться в любовные отношения с неким сарацином (об этом написано у Моруа в «Истории Франции», а вот Акرويد деликатно умалчивает сей факт), в связи с чем ее пришлось срочно эвакуировать домой, во Францию, дабы не позорить короля перед всеми рыцарями; и на то, что она страстно влюбилась в молоденького (значительно младше себя) Генриха Второго, пока еще была мужней женой, что и послужило причиной столь поспешного ее развода с Людовиком и неприлично быстрого бракосочетания с королем Англии.

Алиенора и Констанция принимают буквально вырывать пятнадцатилетнего Артура друг у друга из рук:

Элеонора

Вот, мальчик, мать твоя отца позорит!

Констанция

Вот, сын мой, как тебя позорит бабка!

И через короткое время:

Элеонора

Доверься бабке, внук.

Констанция

Да, детка, к бабушке иди на ручки:

Ты – королевство ей, она – тебе

Изюминку, и вишенку, и фигу:
Добрей ее не сыщешь.

В общем, типичная картина кухонного скандала. И в этом месте Шекспир выдает очень показательную характеристику принца Артура Бретонского:

Артур
Мать, не надо!
О, лучше бы в могиле мне лежать!
Такой жестокой распри я не стою.

Элеонора
За мать стыдится он и плачет, бедный.

Констанция
За мать иль нет – пусть будет стыдно вам!
Не матерью он опозорен, – бабка
Обидела его, и льется жемчуг
Из бедных глаз.

Чуете, какая реакция? Мальчик напрочь не переносит конфликтов, его коробит от произносимых вслух грубостей и оскорблений, он готов умереть – лишь бы не слышать громких голосов и гадких слов. Он плачет (елки-палки!). Можно было бы подумать, что глагол «плачет» в реплике Элеоноры – не более чем фигура речи, означающая на самом деле «расстроился, переживает», однако дальнейшие слова Констанции о жемчуге, который льется из глаз юноши, такое толкование опровергают. Слезы настоящие.

Артур действительно плачет. И это очень странно, если учесть, что Артур метил в короли и вел за собой войска. Да, пусть неудачно, затея провалилась, но ведь попытки-то были! Как-то трудно совместить одно с другим и поверить, что юноша, имеющий подобный бэкграунд, может оказаться столь нежным и нервным. Интересно, почему Шекспир так написал? Не подумал? Не учел? Или знал что-то такое, чего не знали историки, изучавшие ту эпоху? А может, этот текст и вовсе не Шекспир написал? У шекспироведов по поводу пьесы «Король Иоанн» нет единого мнения; высказывается предположение, что первоначально текст был написан Кристофером Марло или еще кем-то, а Шекспир потом взял его за основу и создал свой вариант пьесы, и, похоже, более чем странная реплика Артура эти сомнения лишний раз подтверждает.

По версии Шекспира (или того, кто является истинным автором пьесы «Король Иоанн»), Артур Бретонский не был убит, не пропал без вести, а погиб при попытке побега, упав с большой высоты, когда спускался по веревке с башни, где был заточен. Тоже как-то мало похоже на мальчика, который плачет во время ссоры мамы с бабушкой.

А согласитесь, читать Шекспира намного интереснее, когда чуть-чуть вникнешь в историю вопроса?

Иоанн (Джон) Плантагенет Безземельный
Годы жизни: 1167–1216.

Годы правления: 1199–1216.

Преемник – сын Генрих.

«Хороший человек – это не профессия», или Генрих Третий

С престолонаследием в тот период все было относительно спокойно. Первый брак Иоанна оказался бездетным, вторая жена подарила ему пятерых детей, так что было из кого выбрать, а поскольку первенцем оказался мальчик по имени Генрих (ну а как иначе-то! Не Петей же его называть...), то и вопрос решился сам собой.

Тут тоже не обошлось без некоторых осложнений. Дело в том, что восставшие бароны, недовольные правлением Иоанна, ухитрились предложить Франции поставить на английский престол принца Людовика. Франция радостно согласилась, Людовик высадился со своими войсками в Англии, немножко повоевал за свое право сесть на трон (он был в родстве с Плантагенетами, так что в принципе претендовать мог), но из затеи ничего не вышло, и девятилетний сын Иоанна был коронован как Генрих Третий. Ох, давненько на туманном острове не случалось короля-мальчика! Ну ничего, справились, образовали регентский совет, а как юноша вошел в возраст, то и сам рулить начал. В общей сложности прорулил он 56 лет, воевать не хотел, стремился к миру, излишней жестокостью не страдал, в отличие от дедушки, па-

пы и дядьев. Спокойный был парнишка и набожный, очень неглупый, но порой производил впечатление бесхитростного простака. Любил свежий воздух и улыбающиеся лица, щедро покровительствовал религиозному искусству. Вестминстерское аббатство – шедевр готической архитектуры – именно Генрих Третий и построил. Войн не любил и хотел, чтобы его царствование запомнилось как мирное. И, между прочим, панически боялся грозы. Хороший был человек, но, как пишет Акرويد, «хорошие люди редко бывают хорошими королями». И это верно.

Женился король Генрих на Элеоноре Прованской, детей получилось достаточно для обеспечения бескровного престолонаследия, тем паче старший сынок Эдуард с юных лет поддерживал отца и помогал ему в разных конфликтах и противостояниях с баронами, возглавлял войска и даже в узилище посидел за правое батино дело. Генрих Третий скончался в 1272 году, передав трон старшему сыну. Правда, сын в это время был за границей, приходил в себя после покушений и ранений, попутно решал всякие проблемы в Гаскони, так что в Англию, непосредственно к престолу, прибыл только спустя полтора года. Но это ничего не меняло. Он стал королем Эдуардом Первым.

Генрих Третий Плантагенет

Годы жизни: 1207–1272.

Годы правления: 1216–1272.

Преемник – сын Эдуард.

«И вправду первый», или Король Эдуард

Новый король Эдуард Первый был бравым хлопцем. Производил впечатление. Великолепно сложенный, длинноногий, легко впадающий в ярость порой до свирепости, он нагонял священный ужас на придворных и приближенных. Правда, отходчив был, легко прощал, тут врать не станем. Говорят, аура у Эдуарда была очень мощной: хронисты зафиксировали по меньшей мере два случая, когда во время аудиенции люди просто умирали на месте. В буквальном смысле. Один – настоятель собора Святого Павла – от страха, другой, архиепископ Йоркский, от огорчения, ибо король был им недоволен и сделал выговор.

Коронационное именование «Первый» король добросовестно оправдывал. Прямо с коронации и начал. Как только на его чело возложили корону, Эдуард демонстративно снял ее и тут же начал нарушать установленную церемонию, сделав публичное заявление, дескать, корону носить не буду, пока не верну все земли, которые слишком добрый и уступчивый папая раздал всяким там графьям и баронам. Ни один король до того не позволял себе ничего подобного. Эдуард был первым.

Дальше – больше. У предков короля была какая-никакая империя, Англия плюс огромный кусок Франции на конти-

ненте, потом постепенно куски отваливались, и Эдуарду уже мало что осталось. Он решил сосредоточиться на собственно Англии и заняться уже не расширением своих владений, а их укреплением. Первым делом обратил внимание на Уэльс: надо довести дело до конца, а то все как-то не завершено, застряло на полдороге, часть заселена английскими подданными, часть вообще не слушается и не подчиняется. Короче, нет порядка. Эдуард Первый считал Уэльс «своей поляной» и отступать от задуманного не собирался. Склонял общественное мнение в свою пользу при помощи идеологических манипуляций, устроив торжественное перезахоронение останков легендарного короля Артура и королевы Гвиневры (кто смотрел в советское время фильм «31 июня»? А может, кто-то и роман Пристли читал? А американские фильмы про Мерлина и волшебный меч Экскалибур? Вот и вспоминайте). В общем, попытался сыграть на чувствах и национальном самосознании валлийцев. Но попутно и воевал с ними, само собой, пока местные князья не уступили. Уэльс стал совершенно английским, с английской системой управления и английскими законами. Эдуард сумел наконец сделать то, что никак не удавалось его предшественникам. Он первым отказался от зарубежных завоеваний и обратил взор внутрь своей страны.

Обратил – и пришел в ужас! Ибо понял, что вообще не знает и не понимает, что же происходит на его родной земле. Информации-то нет никакой, интернет еще не придумали,

да какой там интернет – даже газет не было, не говоря уж о радио и телевидении. Как же управлять тем, чего не видишь, не слышишь и не знаешь? Похоже, Эдуард Первый был действительно первым настоящим толковым управленцем в истории Англии, ибо осознал простую вещь, которая сегодня жирным шрифтом вписана в любой учебник: основа эффективного управления – своевременно полученная и достоверная информация. Без нее никуда.

И что же придумал наш Первый? А вот что: он сообразил, как можно для потребных целей использовать парламент. И предложил членам парламента собирать в своих землях и представлять на рассмотрение королю всеразличные жалобы на злоупотребления, плохое управление и прочие безобразия. Парламент, конечно, взвыл от возросшей нагрузки, ведь жалобы-то нужно было рассматривать и принимать по ним какие-то решения. Зато король отныне мог мониторить ситуацию по всему королевству и знать, где что творится. Акройд пишет: «Эдуарда на самом деле можно считать первым королем, который использовал этот орган правления в конструктивном ключе». Этот орган – это парламент, если кто не понял. Опять наш Эдик первый! И, между прочим, термин «петиция» именно тогда и появился. Так называли те самые жалобы на злоупотребления и несправедливость.

А еще наш бравый удалец первым придумал систему государственного рэкета и воспользовался ей. Знаете как? Он принял закон, согласно которому каждый, кто имеет доход

больше 20 фунтов стерлингов в год, обязан получить статус рыцаря. А это значит что? Правильно: обмундирование, оружие, экипировка, отличные лошади и всякая соответствующая челядь, то есть дело-то отнюдь не дешевое, весь доход на это и уйдет, если не больше. А ежели кто хочет избежать высокой чести именоваться и быть рыцарем, должен просто заплатить в казну – и свободен. Понятно же, что желающих откупиться было намного больше, чем тех, кто радостно готов бряцать оружием в ущерб собственному карману. Хороший был закон! И землевладельцы довольны, и казне приятно.

Кроме того, короля Эдуарда Первого очень высоко ценили историки права, называя его «английским Юстинианом». Выдающийся юрист XVII века Эдвард Кок отмечал, что этому королю удалось создать устойчивые и долговременные законы, чего не смогли сделать никакие короли ни до, ни после него. То есть наш пострел и тут поспел на первое место. Но и это еще не все! Эдуард первым стал использовать законы не только для осуществления правосудия по уже случившимся деликтам, но и для предупреждения преступлений, то есть для профилактики. Прикиньте: профилактика преступлений, необходимость которой с трудом, с потом и кровью доказывалась учеными-криминологами в середине XX века, та самая профилактика, необходимость которой с такими препонами пробивали в нашей стране, уже была, оказывается, осознана и заявлена Эдуардом Первым Английским

аж в XIII веке! Пример? А пожалуйста, читаем все у того же Акройда: «В Винчестерском статуте было заявлено, что все изгороди и лесные насаждения вдоль главных дорог должны быть расчищены на расстояние 61 метра, поскольку они могут служить убежищем для воров». Разбойники-то бесчинствовали на больших дорогах, шайки бандитов расплодились по всем сельским районам страны, в общем, неспокойно было путникам и путешественникам, становившимся легкой добычей для тех, кто имел возможность мгновенно выскочить из-за кустиков и деревьев, которые находятся на расстоянии вытянутой руки. А вот если лесополоса начинается далеко от идущего-проезжающего, то еще есть шанс вовремя заметить врага и принять меры. Да хоть и просто убежать, чем не вариант?

Женился Эдуард в первый раз в 15 лет, невесте, Элеоноре Кастильской, было 13. Тут все по протоколу. Когда королева Элеонора умерла в 1290 году, оставив мужу двух сыновей и не то трех, не то четырех дочерей (тут источники расходятся во мнениях, но рожала Элеонора исправно, целых 16 раз, однако не все дети выжили. Правда, сначала получались сплошные девочки, выжившего мальчика удалось сообразить только в 1284 году, то есть через 30 лет супружеской жизни). Эдуард какое-то время погоревал, даже паломничество совершил, потом несколько лет пожил холостяком – да и женился вновь, на принцессе Маргарите Французской, сестре короля Франции Филиппа Красивого (признавайтесь,

кто у нас тут любитель романов Мориса Дрюона?). Аккурат к своему 60-летию и свадьбку сыграл. А через 8 лет и помер.

Вы думаете, Эдуард больше ни в чем не был первым? А вот и нет! Он был первым в истории королем, который придумал, что его старший сын, наследник престола, должен именоваться принцем Уэльским. Вот откуда эти принцы и пошли, оказывается.

Эдуард Первый Плантагенет (Длинноногий)

Годы жизни: 1239–1307.

Годы правления: 1272–1307.

Преемник – сын Эдуард.

«Первый принц Уэльский», он же Эдуард Второй

В целях окончательного завоевания Уэльса король Эдуард Первый не только устраивал битвы с местными князьями и баронами, он еще и замки строил. Замок Карнарвон строился как будущая резиденция самого короля, и этому строительству Эдуард уделял особое внимание, даже беременную жену Элеонору (первую свою супругу) на стройплощадку притащил, дабы она разделила с любимым мужем радость руководства процессом. Она и разделила, чего уж там. И разделяла так долго, что рожать пришлось прямо во времянке возле стройплощадки. Случилось это в 1284 году. Родившегося мальчика называли, как вы сами понимаете, Эдуардом, впоследствии к имени прибавилось именование Карнарвонский в соответствии с местом рождения, а в 1301 году семнадцатилетний юноша был провозглашен принцем Уэльским, то есть стал первым наследником престола, носящим этот титул. Ну а дальше уже вступил в дело прецедент, без которого в Англии никуда. Один раз случилось – считай, так теперь будет всегда.

Итак, папа Эдуард Первый скончался в 1307 году, и на престол взошел старший сын Эдуард Второй, принц Уэльский, молодой мужчина 23 лет от роду, воспитанный среди военных, имеющий опыт участия в войне, но при этом совер-

шенно не воинственный, не властный, не любитель турниров и не поклонник истинно королевских занятий. В этом плане он больше походил на своего дедушку Генриха Третьего, чем на батю Эдуарда Первого, выдающегося монарха-управленца. Юный король предпочитал общаться и проводить время не с лордами и придворным окружением, а с возчиками и землекопами, докерами и лодочниками, распутниками, певцами и уличными музыкантами. Это не я придумала, это написано у хронистов-современников. И Акройд подтверждает: Эдуард не вел себя как король. Даже физический труд любил почему-то...

А как он себя вел? Нет, все-таки гены на помойку не выкинешь, и Эдуард в чем-то был очень похож на своего отца, который когда-то начал правление с того, что нарушил протокол коронации. Эдуард сделал в точности то же самое: на церемонии коронации пошел не по плану. Поскандалил со знатными лордами, и корону на нового короля возложил не архиепископ, как полагается, а... задушевный дружбан короля по имени Пьер Гавестон (в некоторых источниках он назван Пирсом Гавестоном, но мы будем пользоваться именем Пьер, чтобы не путаться). От напора толпы гипсовая стена обвалилась, даже погиб один человек. Кроме того, Эдуард, произнося королевскую присягу, самовольно прибавил к ней новую строку, поклявшись, что будет поддерживать и защищать законы и справедливые традиции, которые учредит община королевства, то есть магнаты и прелаты, иными слова-

ми – самые богатые граждане и высокопоставленные служители церкви. Нельзя сказать, что народ был в восторге от такого начала. А уж на коронационном банкете и вовсе скандал вышел: Гавестон, дружок короля, появился на нем в костюме королевского пурпурного цвета, расшитом жемчугом и едва ли не более роскошном, чем костюм самого нового короля. Начались перешептывания и косые взгляды. А вскоре и до беды дошло. Эдуард Второй к тому времени уже успел жениться на Изабелле Французской, девочке 13 лет от роду, дочери короля Филиппа Красивого (бегом к книжным полкам и достаем романы Мориса Дрюона. Если кто забыл, то Изабелла – та самая Французская Волчица). Филипп Красивый очень старался закрыть наконец вопрос о спорных землях Аквитании, которые были то французскими, то английскими, то не пойми чьими, и вполне разумно рассудил, что крепкое родство с английскими королями сможет положить конец распрям. Выдал свою молоденькую сестру Маргариту за овдовевшего престарелого Эдуарда Первого и подписал договор, согласно которому дочь Филиппа, Изабелла, выйдет замуж за сына Эдуарда Первого. Ну, вроде как все состоялось, и старший Эдуард женился на девушке из семьи Филиппа Красивого (и снова Дрюон), и младший не отказался. Так вот, вернемся к беде: при английском дворе, разумеется, находилось много родственников молодой королевы Изабеллы, так было принято, и этим родственникам почему-то ужасно не понравилось, что король Эдуард Второй больше

любит своего друга Гавестона, чем юную прекрасную Изабеллу. Причем не понравилось так сильно, что они обиделись, возмутились, хлопнули дверью и вернулись во Францию.

Мнения у историков и хронистов разные. Одни считают, что Гавестон был не более чем обычным фаворитом короля, разделявшим его политические взгляды и затеи; другие не отрицают сексуальную составляющую их отношений, но не считают ее главной, ибо главное все-таки – родство душ и сходство интересов, а постель – это так, типа десерта после основного блюда; третьи полагают отношения Эдуарда Второго и Пьера Гавестона чисто плотскими, основанными исключительно на похоти; четвертые описывают их как истинную любовь, глубокую и всестороннюю. Свечку, как обычно, никто из этих хронистов не держал, но оснований для подобных суждений было более чем достаточно. Хотя, с другой стороны, у Эдуарда Второго были и законные дети от Изабеллы, двое сыновей и две дочери, и бастард имелся, все честь по чести. Так что было это платоническое братство двоих юношей или сексуальная связь – с точностью утверждать никто не берется. Достоверно известно только одно: король предпочитал компанию Пьера Гавестона, а не общество своей юной красивой невесты и впоследствии жены.

Свадьба Эдуарда и Изабеллы прошла во Франции за месяц до коронации, невесте было 12 лет, жениху – 23 года. Поскольку старый король ко времени свадьбы уже умер, то Эду-

ард, сынок, считался королем с момента смерти отца, пусть даже коронация еще не состоялась. Уезжая на свадьбу во Францию, новому королю нужно было кого-то оставить вместо себя «на хозяйстве». Он оставил Гавестона. Бояре были недовольны. А уж когда Эдуард Второй пожаловал любимому другу титул графа Корнуоллского, возмущению знати и народа не было предела: этот титул даруется только и исключительно членам королевской семьи. Во всяком случае, так было раньше. Что же будет теперь, если прецедент перестает рулить? Можно ли доверять королю? Будет ли он править Англией справедливо и в соответствии с традицией?

Гавестон вел себя довольно нахально, был высокомерным и заносчивым, нажил кучу врагов и пользовался своей полной безнаказанностью. Ну и допрыгался в конце концов. Через год после пресловутой коронации парламент потребовал от Эдуарда Второго, чтобы он удалил от двора противного Гавестона. Король, разумеется, сперва отказался, но на него давили два месяца и все-таки добавили. Фаворит был изгнан в Ирландию.

Отступим чуть-чуть назад для большей ясности. У Генриха Третьего и Элеоноры Прованской был ведь не только сынок Эдуард, который стал Эдуардом Первым. Был еще и второй сынок, Эдмунд Ланкастер. Этот Эдмунд вторым браком был женат на Бланке Д'Артуа (и снова Дрюон!), которая, в отличие от первой жены, родила ему троих сыновей и дочку. Так вот старшим из этих сыновей был Томас, граф Лан-

кастер. Уточняем: он родной внук Генриха Третьего и, соответственно, двоюродный братец актуального на момент нашего повествования молодого короля Эдуарда Второго. Томас Ланкастер вполне благополучно околачивался при дворе, но после изгнания Гавестона в Ирландию вдруг исчез без объяснения причин.

Прошел год, скандал утих, и Гавестон вернулся из Ирландии. В то время как раз у Эдуарда Второго начался очередной виток терок с шотландцами, и он призвал Гавестона помочь. Эта кампания провалилась, северная часть Англии, граничащая с Шотландией, всегда была слабым местом английских правителей. В общем, ничего не получилось, а в глазах страны все выглядело так, что король снова подпал под влияние мерзкого фаворита-содомита, потому и проиграл. Парламент опять поставил вопрос об изгнании Гавестона, даже дату определил: пусть исчезнет до Дня Всех Святых. Король, как и в прошлый раз, уперся, очень ему не хотелось обижать своего любимчика, и приготовился отстаивать свою любовь с оружием в руках. Гавестон отплыл из Дувра, как настаивал бессердечный парламент, но через месяц тайком вернулся, и они с Эдуардом, взявшись за руки, отправились собирать армию. И вот тут на сцену вышел Томас Ланкастер, ранее покинувший ее, как мы помним, не попрощавшись. Ланкастер написал королеве Изабелле письмо, в котором пообещал раз и навсегда избавить и ее, и весь двор, и всю Англию от Пьера Гавестона. Сказано – сделано. Королева, на-

до полагать, одобрила намерение графа. И граф Ланкастер сделал так, что Гавестона схватили и через месяц отрубили ему голову.

Репутация Эдуарда Второго как короля сильно пошатнулась из-за всей этой катавасии, но тут Изабелла подросла с благополучным разрешением от бремени, родился сын, будущий наследник престола, и все стало вроде как утихать. И угадайте с трех раз, как принца-первенца назвали? Ну, ясен пень, Эдуардом. Однако король Эдуард заковырял обиду и ненависть на тех, кто так жестоко лишил его ближайшего друга и соратника.

С казнью богомерзкого Гавестона тоже не все прошло гладко: раз у него титул графа Корнуоллского, приравнивающий своего носителя к членам королевской фамилии, то судить его должны пэры, равные ему по статусу. Это правило соблюдено не было, то есть опять же прецедентом пренебрегли. И никто за такое страшное нарушение не ответил. Народ и знать затаились в ужасе: что же будет дальше? Традиции теперь ничего не значат? И как жить?

Но зато ликвидация Пьера Гавестона означала, что очередной гражданской войны не будет, и собранные Эдуардом и Гавестоном войска могут мирно расходиться по домам. Уже хоть какое-то облегчение вышло.

После всех этих событий в жизни Эдуарда Второго началась черная полоса. Он проиграл очередную войну с Шотландией и окончательно потерял эту страну. По возвращении

его встретили с позором, ведь главная обязанность короля, по тогдашним понятиям, – это вести успешные военные действия. Батя-то, Эдуард Первый, с этой обязанностью успешно справлялся, непокорный много веков Уэльс взял наконец на короткий поводок, и вообще его называли «самым победоносным королем», а сынок явно оплошал, не соответствует и надежд не оправдывает. А тут еще несколько лет подряд неурожай, голод, а за ним и эпидемии кишечных инфекций, население начало сокращаться, да шотландцы с севера все время совершают набеги и мешают хоть как-то выживать. В общем, не жизнь, а сплошной кошмар. Король Эдуард явно не справлялся с ситуацией, и бразды правления взял в свои руки Томас Ланкастер, двоюродный брат, которому король так и не простил казни милого сердцу Гавестона. Но у Томаса тоже мало что получалось, гонору было хоть отбавляй, а управленческих навыков – ноль. И когда черная полоса закончилась, Эдуард начал посматривать по сторонам, искал, на кого бы опереться, кого призвать в соратники и помощники. Ненавистного Томаса следовало оттеснить подальше и заменить его на кого-то поприятнее и понадежнее.

А тут и кандидатура подходящая нарисовалась: новый королевский фаворит Хью ле Диспенсер. Было там между ними чего или не было – опять, как и всегда, точных фактов нет, но подозрений и разговоров – навалом. Дрюон, например, считает, что было, и еще как было! Но Дрюон, с одной стороны, писатель, а с другой – министр культуры Франции,

то есть человек ученый, начитанный, образованный, так что есть основания его домыслам доверять. Хотя кто знает... Достоверно известно одно: новый королевский фаворит получил кучу земель и замков, а также должность канцлера, был вороватым, мошенничал и занимался вымогательством. Одним словом, не понравился он людям, не пришелся по сердцу. Великие лорды начали требовать, чтобы Диспенсера, а заодно и его папашу, изгнали из Англии, ибо слишком уж усердно они тянут ручонки к королевским полномочиям. Зачинщиком снова стал Томас Ланкастер, но на этот раз все повернулось иначе, чем в истории с Гавестоном. Король прикинулся чайником, сделал вид, что пошел на уступку, и удалил папу и сына Диспенсеров от двора и из страны, а сам начал планировать расправу над теми, кто нагло помешал его великой душевной привязанности. Через месяц Эдуард тайком вызвал любезного сердцу Диспенсера назад в Англию и принялся организовывать военную кампанию против несогласных. И на этот раз у короля все получилось! Он разбил в битве Томаса Ланкастера, устроил показательный суд над ним, и кузену благополучно отрубили голову. Эдуард отомстил тому, кто казнил Пьера Гавестона.

Но это же немыслимо! Смертная казнь члена королевской семьи, двоюродного брата короля, родного внука Генриха Третьего! Такое в Англии произошло впервые.

Эдуард на этом не успокоился. Уж мстить – так на полную катушку! Суды над сторонниками изменника Ланкасте-

ра следовали один за другим, и король не скупился на подписание смертных приговоров. По его разрешению были казнены 25 лордов, и это тоже было беспрецедентно: ни один из английских королей не позволял себе доселе такой безжалостности в отношении своих противников.

В семейной жизни Эдуарда Второго тоже не все было гладко. С одной стороны, Изабелла уже с момента свадьбы имела основания обижаться на мужа, и поскольку ситуация только усугублялась, то ни любви, ни уважения, ни привязанности она к нему не испытывала. С другой стороны, она была француженкой, то есть происходила из семьи... ну, не то чтобы прям врагов (ее отец Филипп Красивый как раз хотел эту вражду преодолеть при помощи матримониальных инструментов), но все ж недоброжелателей. А вопрос с Францией, точнее – с Гасконью, надо было как-то урегулировать. Гасконь – последнее, что осталось у Англии на французской территории, и за нее английский король готов был биться до последней капли крови. Вернее, учитывая в целом нелюбовь короля Эдуарда Второго к военным действиям, пытаться решить проблему всеми возможными дипломатическими средствами. К тому моменту Филипп Четвертый Красивый, отец Изабеллы, уже давно скончался, на троне в течение восьми следующих лет посидели сперва его старший сын Людовик Десятый, потом второй сын, Филипп Пятый Длинный, а в 1322 году очередь дошла и до третьего сына, Карла Четвертого. Тоже, между прочим, имевшего прозви-

ще Красивый. Видать, в папаню удался. Изабелла ему, стало быть, сестренкой родной приходилась. И Эдуард решил, что надо бы отправить жену во Францию, пусть попробует с братцем перетереть и проблемку порешать. Все ж кровь – не водица, родня между собой договориться сумеет. Опять же убрать недовольную супругу подальше, чтобы не отвечивала. А еще Эдуарду вступило в голову послать своего старшего сына, которому в ту пору едва 15 лет исполнилось, к королю Франции принести присягу за Гасконь. Короче, сперва жена Изабелла, а за ней и сын Эдуард отбыли из Англии и оказались далеко-далеко. А сам король остался дома. Он бы, может, тоже смотался к родственникам во Францию, повидался бы, дела пообсуждал, но очень страшно было оставлять отца и сына Диспенсеров в Англии одних. Бароны эту парочку страсть как не любили, и в отсутствие монарха могло случиться все, что угодно. В общем, как вы сами видите, не только диарея иногда правит ходом истории, любви тоже своя роль достается.

А вот теперь самое время упомянуть некоего Роджера Мортимера, который принимал участие в восстании против Диспенсеров, то есть был сторонником и ближайшим сподвижником Томаса Ланкастера. Мортимера после разгрома Ланкастера посадили в Тауэр, но он ухитрился оттуда сбежать, дернул прямиком во Францию и осел при дворе французского короля. Вот там-то и начался его страстный роман с приехавшей в гости королевой Изабеллой. Изабелла и не

думала возвращаться к мужу, ей отлично жилось при дворе у братишки Карла, тем более и сынок у нее под крылом, а тут еще и любовь неземная сделалась. Эдуард требовал, чтобы жена вернулась и сына привезла, это ж наследник как-никак, будущий король Англии, а там, рядом с Карлом Четвертым, мальчика подвергают тлетворному французскому влиянию и всячески идейно обрабатывают. Изабелла поставила условие: или она – или Диспенсеры. Дескать, не вернется она, пока Диспенсеры не окажутся изгнаны из Англии, на одной земле им делать нечего и на одном поле она с ними... (далее текст известен).

Король, понятное дело, дрогнул и фаворитом пожертвовать отказался. А Изабелла время даром не теряла, она выбрала во Фландрии очень богатого графа Геннегау, имевшего подходящую дочь по имени Филиппа, быстренько спроворила официальную помолвку сына и сразу получила огромное приданое. Вот теперь можно и армию собирать, денежки-то появились! Королева Изабелла и ее любовник Роджер Мортимер готовили вторжение в Англию.

В принципе, в Англии этого ожидали. Но, как обычно, все вышло неожиданно. Во-первых, Эдуард, хоть и готовился к войне, но не угадал место высадки и не ждал противника там, где тот появился. Во-вторых, английские моряки отказались воевать с Изабеллой, очень уж не любили они гадких самодовольных богопротивных Диспенсеров и защищать короля, который им покровительствует, вовсе не собирались.

Войско королевы и Мортимера быстро проскакало по стране, почти не встречая сопротивления. Попутно они еще и земли Диспенсеров разоряли. Сторонники короля толпами переходили в стан Изабеллы, неумелое правление Эдуарда Второго уже всех достало. Диспенсера-старшего схватили и казнили, младшего пока держали в тюрьме в ожидании суда.

А что же король? Да ничего. Сбежал в Уэльс и там затаился, окружив себя жалкой горсткой сторонников. Но люди Изабеллы и Мортимера его, конечно, нашли, невелик труд-то – короля сыскать, он вам не бродяга какой-нибудь, безымянный и безликий, он король. Монарх. У него же запросы, требования и все такое. В любой таверне спроси, не заказывали ли вдруг много изысканной еды и не просили ли свежих лошадей, да в какой замок отправили – и дело, считай, сделано. В общем, нашли короля, взяли под стражу и поместили в Кенилворт, один из уэльских королевских замков.

С Хью Диспенсером-младшим поступили совсем уж круто. Позволю себе здесь просто процитировать Акройда: «Попав в плен, Хью Диспенсер отказывался от еды и питья, возможно, надеясь умереть от голода и не дожидаться мучительной казни. Его перевезли в Рединг, где фаворит был коронован венком из крапивы, а на его коже были вырезаны проклятия. Под звуки барабанов и труб он был подвешен на виселице пятнадцати метров высотой; потом, все еще живой, сброшен вниз, оскотен, и его половые органы сожгли перед его лицом. Наконец, Диспенсер был обезглавлен». Тьфу! По-

ка переписывала цитату – и то тошнило, а уж видеть такое... И тем более самому пережить...

Ну ладно, фаворита королевского казнили, а с самим-то королем как поступить? Куда его девать? До власти допустить нельзя, это Эдуард всеми годами своего правления наглядно доказал. Но и убить нельзя: он же помазанник Божий. И сместить нельзя, закон не позволяет. Короля защищает сам Господь, и между монархом и Господом – только ангелы, а уж после ангелов король – второй, то есть, проще говоря, третий после Бога. Как такого хоть пальцем тронуть? Тело монарха свято и неприкосновенно.

Собрали парламент. Начали думать. Для начала объявили, что король «отъехал по делам» и его обязанности временно будет исполнять сын Эдуард, принц Уэльский. Ну, такое ГКЧП в средневековом английском варианте. Все же прекрасно знали, что ни в каком Эдуард Второй не в отъезде, а сидит под стражей в Кенилвортском замке, но исправно делали вид, что ничего такого не знают. Типа «Горбачев уехал в отпуск и там внезапно заболел, так что исполнять обязанности президента не может, и мы тут пока сами поручим». Плавали, знаем.

И пошли в Кенилворт одна за другой делегации. Мол, отрекись от престола добровольно. Опять же на отцовские чувства надавили вполне умело: «Ваш сын займет ваше место, если только получит на это ваше одобрение». Проще говоря: если хочешь, чтобы твой Эдуард сел на трон, – уступи ме-

сто в законном порядке, подпиши бумагу. Не подпишешь – лучше не станет, начнется смута, и тогда на престол взойдет вообще неизвестно кто, не исключено даже, что любовничек твоей жены, Роджер Мортимер, и что тогда станет с Англией?

И Эдуард сдался. Подписал отречение. Его вывезли из Уэльса и перевезли в другой замок, уже на территории Англии. Он поначалу еще трепыхался, не желая смириться, даже два раза предпринимал попытки побега, но этим только настроил против себя и озлобил власти. В итоге бывшего короля просто убили в тюрьме в 1327 году, чтобы уже не рыпался. Причем убили жестоко, бесчеловечно.

Кто убил? А не доказано. Труп со следами истязаний есть, а убийц вроде как и нет. В таких «сложных» случаях, когда нельзя назвать и наказать заказчика, отыгрываются на исполнителях. А исполнители кто? Ну, ясное же дело, тюремщики, раз убийство произошло в тюрьме. Так вот: двое из четырех тех тюремщиков были признаны невиновными, третьего взял к себе на службу новый король Эдуард Третий. А четвертого убили при загадочных обстоятельствах. Резюме: не играйте, дети, в опасные игры с властью; кому-то может и сойти с рук, кто-то может даже в прибыли остаться, но кому-то обязательно не повезет, и не факт, что этим невезучим окажетесь не вы.

И что, думаете, все вот так просто и закончилось? А ни фига. Пошли упорные слухи, что король Эдуард Второй все-

таким сумел сбежать, и труп в тюрьме – вовсе не его тело, а король сумел переправиться на континент и стал скитальцем-отшельником. Даже письменные документы нашлись с описанием его жизни, но ни подлинность этих документов, ни достоверность самой истории до сих пор не подтверждены. Остались лишь домыслы и догадки.

Эдуард Второй Плантагенет

Годы жизни: 1284–1327.

Годы правления: 1307–1327.

Преемник – сын Эдуард.

«Славное начало», или Король Эдуард Третий

Пока мятежная королева Изабелла и ее дружок Роджер Мортимер разбирались с королем Эдуардом Вторым, они вдвоем фактически и Англией управляли. Когда после отречения Эдуарда был коронован его сын Эдуард Третий, парню было всего 25 лет, он мало что пока умел и мог, и еще три года Изабелла с Роджером постояли у правительственного руля. Эдуарду это не сильно нравилось, он вообще-то не любил Мортимера, там у них были свои терки из-за дел с Шотландией, а силы и власти у Мортимера оказалось слишком много. Во всяком случае, так казалось юному королю.

А тут еще и мамка картину подпортила. Она, понимаете ли, забеременела. От Мортимера, само собой. А вдруг родится сын, выживет, и начнутся попытки изменить порядок наследования? Тут ведь все непросто. Эдуард через год после коронации женился в 1328 году на Филиппе Геннегау, той самой дочке фландрского графа, на чье приданое, полученное заблаговременно, и была организована кампания по свержению Эдуарда Второго. Пятнадцатого июня 1330 года у Эдуарда и Филиппы родился первенец, сыночек, тоже, как сами понимаете, Эдуардом нарекли. А тут маман в тягости. Если позволить Изабелле и Роджеру и дальше распоряжаться в стране, то не получится ли так, что они своего

деточку поставят первым в очереди на будущий престол? С них станется, они такие. Не зря же Изабеллу называют Французской Волчицей; такая зубами вцепится и глотку перегрызет за свое кровное. Кто может гарантировать, что внука от нелюбимого презираемого мужа Эдуарда Второго она будет любить больше, чем сына, рожденного от обожаемого любовника? Никто не может. Лучше нанести удар самому, не дожидаясь проблем.

Эдуард удар спланировал и без колебаний нанес. Хитростью проник вместе с отрядом в замок, где находились Изабелла и Мортимер. Роджера арестовали, судили и казнили, как это водится у королей, а маму Изабеллу отправили в изгнание в один из ее замков.

В общем, начал свое правление Эдуард вполне себе бодренько и прекраснодушно. По всей Англии населению зачитывали публичное обращение нового короля, в котором он резко критиковал предыдущее руководство страны и торжественно обещал отныне править благоразумно и в соответствии с законами. Новый король учел ошибки и недостатки своего папеньки и пошел «от противного». Эдуард Второй не добился никаких военных успехов – Эдуард Третий их непременно добьется. Папа испортил ситуацию с Шотландией – сын ее исправит. Отец не смог отстоять французские земли – молодой король покажет французам кузькину мать. Второй конфисковал земли аристократов – Третий их возвратит. И так далее по списку.

С Шотландией новый король более или менее вопрос утряс: при очередном кризисе престолонаследия сделал ставку на правильную лошадь, побряцал оружием, выиграл важную битву и в итоге посадил на шотландский престол верного человека, который тут же принес английскому королю оммаж. Эту проблему можно было считать временно закрытой, и теперь предстояло разобраться с другим оммажем. Вот с ним все оказалось куда сложнее.

К тому времени правители Англии и Франции стали самыми влиятельными и могущественными лицами Европы. И как два альфа-самца они должны были публично выяснить, чья шея крепче и чьи когти острее. А тут удачно подвернулся повод – та самая Гасконь, насчет которой не смогли договориться Эдуард Второй и Карл Четвертый.

Если кто уже успел забыть, напомним еще раз: Гасконь – последний кусок Франции, который остался пока еще в руках Англии. А ведь когда-то была такая большая империя! Пол-Франции принадлежало английскому государству. Эх, куда все девалось! Генрих Второй все собрал – его потомки все растеряли и растратили. Вот одна только Гасконь и осталась.

Но Гасконь – часть Франции. Стало быть, новый король Эдуард Третий, вступив на престол, должен принести французскому королю оммаж за Гасконь, поскольку руководитель Гаскони – вассал короля Франции. Короче, старая песня о главном, начавшаяся еще со времен Вильгельма Завоевателя

и его оммажа за Нормандию. Тут ведь фенечка в чем? Если ты приносишь вассальную клятву, то тебе разрешают распоряжаться на данной территории с полным правом, твори что хочешь, но за это ты должен по первому свистку предоставлять своему суверену оружие и солдат и не имеешь права вступать ни в какие коалиции с врагами короля, которому принес клятву. Не выполняешь условия присяги – территорию конфискуют. Вот такие у них там были правила.

Эдуард Третий так не хотел. Ему не нравилось. И он дерзко отказался приносить королю Франции оммаж за Гасконь. Король там был уже другой, не Карл Четвертый, а Филипп Шестой Валуа, поэтому та клятва, которую маленького Эдуардика когда-то заставили принести Карлу Четвертому, силы не имела. Да и сам Эдуардик в ту пору был всего лишь принцем Уэльским, а не монархом. Каждый новый король принимал заново присяги от своих вассалов. Это тоже было такое правило.

Думаете, на этом все? Как бы не так. Эдуард пошел намного дальше: он не только отказался присягать Филиппу Шестому, но еще и нахально объявил себя королем Франции. Одной Англии ему было мало, он замахнулся широко, чтобы отцовскую подпорченную репутацию уж окончательно перекрыть. А что такого-то? Маманя у Эдуарда – француженка, дочь короля Филиппа Четвертого Красивого, сестра королев Людовика Десятого, Филиппа Пятого и Карла Четвертого. И вообще она из династии Капетингов, соответственно, и Эду-

ард, ее сын, тоже. А нынешний французский король – ни разу не Капетинг, он вовсе даже из Валуа, поскольку бедолага Карл Четвертый (о том, как он нежно любил свою неверную жену и вообще был по королевским меркам слабаком, как раз у Дрюона и описано в красках), хоть и был трижды женат, наследника мужского пола не оставил, детей было много, но все поумирали во младенчестве, одна девочка только осталась. Может ли у Франции быть более достойный король, чем наполовину Плантагенет – наполовину Капетинг?

Слово за слово – и конфликт вокруг Гаскони и права Эдуарда Третьего на французский престол обернулся началом Столетней войны. Это только по датам выходит, что та война длилась 116 лет. На самом же деле история затянулась так надолго, что только в XIX веке английские короли перестали претендовать на французскую корону.

Война была объявлена, и бедная Англия снова начала задыхаться под непосильным бременем налогов, которые король собирал исключительно для своих военных нужд. Военные действия то активизировались, то затухали, давая более или менее длительные передышки. Быстрого разрешения конфликта не получилось. Эдуарду удалось успешно провести несколько операций, разгромив французский флот и завоевав Кале. Помните скульптуру «Граждане Кале»? Это как раз иллюстрация того, что тогда произошло. Одиннадцать месяцев осады, смерти от голода и жажды, принуждение города к сдаче, история о шести знатных гражданах Кале, ко-

которые вышли к захватчикам с веревками на шее в знак того, что готовы умереть добровольно, если осаду снимут и даруют жителям возможность нормально жить. В решительности и жестокости Эдуарду Третьему отказать никак нельзя. В общем, король всюду преуспел и стал для английских рыцарей и лордов образцовым монархом.

Не будем живописать тогдашние события Столетней войны, ибо на данном этапе нашего рассказа они не столь важны. Но мы к ним непременно вернемся, потому что это в конце концов станет важным для английского престолонаследия.

А что у нашего Эдуарда Третьего происходило в семье? Вот тут – внимание. Имен много, но вам придется смириться и потерпеть, потому что без этой информации не будут понятны все дальнейшие перипетии, которые в следующие два столетия становятся все более и более сложными.

Итак: папа – Эдуард Третий, мама – Филиппа Геннегау.

Первый сын – Эдуард Вудсток, принц Уэльский, по прозвищу Черный Принц.

Второй сын – Лайонел, герцог Кларенс.

Третий сын – Джон Гонт, герцог Ланкастер.

Четвертый сын – Эдмунд, герцог Йорк.

Пятый сын – Томас, который после смерти старшего брата, Эдуарда Черного Принца, получил его имя Вудсток, он же герцог Глостер.

Дочерей перечислять не станем, скажем только, что живых-здоровых было четыре плюс еще два сына и одна дочь

умерли в раннем возрасте. Как видим, брак короля с девушкой из Фландрии был весьма удачным не только в смысле богатого приданого, но и в плане плодovitости.

Теперь еще одно пояснение для тех, кто не в курсе или просто забыл. При обычном порядке престолонаследия преимуществом пользуется первый из рожденных сыновей. Если к моменту освобождения престола старший сын уже умер, то королем становится не второй сын, как можно было бы ожидать, а прямой потомок покойного первого (сын или внук), ежели таковой имеется. Если их нет, к трону подпускается второй по старшинству сын, и опять все сначала: коронуют либо его самого, либо его прямого наследника. И только потом очередь доходит до третьего сына и далее по порядку. Конечно, у действующего короля могут быть свои резоны и он вправе самолично распорядиться и назвать своего наследника, пропустив, например, второго или третьего сына вперед первого, как это сделал когда-то сам Вильгельм Нормандский Завоеватель. Всякое бывает. Вон Генрих-то Второй сколько лет морочил голову своей семье, все никак не мог выбрать между сыновьями! Так что прецеденты имеются.

При нормальном течении событий трон после смерти Эдуарда Третьего должен был наследовать его старший сын Эдуард Вудсток, принц Уэльский, он же Черный Принц. Даже при том, что Черный Принц во время французской кампании проявил себя жестоким беспредельщиком, который

ухитрился за несколько недель разорить и разграбить пятьсот мирных городов, любящий отец не усомнился в его способности эффективно управлять страной и других наследников не рассматривал. Вероятно, в те времена выражение «бандит без тормозов» никак не ассоциировалось с проблемами интеллектуальной деятельности и управленческим потенциалом. Эдуард Вудсток по прозвищу Черный Принц активно участвовал в войне вместе с отцом, помогал отвоевывать и удерживать французские земли, но потом здоровье его пошатнулось, и в течение последних 6 лет своей жизни он уже тихо слабел и увядал. Умер Вудсток за год до смерти своего отца, короля Эдуарда Третьего. Сам король к этому времени уже значительно одряхлел, утратил вкус к руководству Англией и выпустил власть из своих рук. Но она, власть то есть, не упала и не валялась на полу: ее ловко и своевременно подхватил третий сын короля Джон Гонт (то есть рожденный в Генте), герцог Ланкастер. Его права на престол были еще далековаты, потому что первым в очереди после смерти короля стоял Ричард, старший сын старшего сына, иными словами – сын Черного Принца, а за ним еще второй сын Лайонел. Правда, мальцу Ричарду всего 10 лет...

Эдуард Третий Плантагенет

Годы жизни: 1312–1377.

Годы правления: 1327–1377.

Преемник – внук Ричард (сын старшего сына).

«Семейная свара», или Король Ричард Второй

Вы думаете, что после коронации малолетнего короля добрый дядя Джон влез во власть по самые локти и начал открито и демонстративно пользоваться своим положением? А вот и нет. Хотя все этого ожидали. Джон Гонт исчез с правительственного горизонта и удалился в семейное гнездо – королевский замок Кенилворт в Уэльсе. Но предварительно убедился, что в совет из 24 человек, созданный для помощи маленькому королю, вошли правильные люди. Этими людьми он весьма ловко руководил из-за кулис, что конечно же не осталось незамеченным. Авторитет и влияние Джона Гонта ни для кого не были секретом.

Когда Ричарду Второму было 14 лет, в стране начались беспорядки. Во время последнего периода правления Эдуарда Третьего Англия сильно пострадала от трех эпидемий чумы, население значительно поредело, и очередной виток растущего налогового бремени спровоцировал взрыв недовольства. Все мы помним хотя бы по названию восстание Уота Тайлера; вот как раз о нем сейчас и идет речь. К слову заметим, что в ходе этих беспорядков был сожжен роскошный Савойский дворец, принадлежавший Джону Гонту: наш герцог Ланкастер не светился особо на авансцене, но был влиятельнейшим и богатейшим человеком Англии, ему принад-

лежала третья часть всех земель страны. Народ его отчего-то не любил. Даже странно... Наверное, люди думали, что Гонт дурно влияет на несовершеннолетнего племянника-короля.

Так вот: Ричард, 14-летний пацан, самолично вышел к бунтовщикам, пообещал им манну небесную, всякие права, налоговые поблажки и полное прощение, добился, чтобы они ему поверили, а потом нагло обманул, наврал им, что Уот Тайлер – предатель, и заманил людей в ловушку, где их и повязали. Когда «обманутые дольщики» обратились к королю с просьбой все-таки выполнить свои обещания, данные им публично всего несколько дней назад, тот в ответ называл их жалкими тварями и вонючими смердами, которых нужно давить и уничтожать. Уота Тайлера казнили, что, в общем-то, неудивительно. Других лидеров восстания тоже в живых не оставили.

В целом Ричард Второй, как и большинство Плантагенетов, был красив, гневлив и груб. Тот факт, что в столь юном возрасте он столкнулся с проблемой первого и единственного народного восстания в истории Англии и сумел победить, сыграл с королем злую шутку: парнишка уверовал в то, что он – король от Бога, настоящий, прямо Король Королевич. Англичане и до этого верили в божественную сущность королевского сана, но Ричард эту веру преумножил и усилил. Разумеется, в собственных глазах, а не в глазах окружающих. Его самомнение и самоуверенность выросли до небес. И став взрослым, Ричард Второй постоянно и по любому по-

воду подчеркивал свое королевское величие. Одним словом, зазвездился вконец. Мог, например, заявить: «Мое величие будет только расти, несмотря на происки всех моих врагов».

В 15 лет мальчик-король женился на дочери императора Священной Римской империи, своей ровеснице, а в 16 лет заявил, что может править Англией сам и никакой «совет» ему больше не нужен. К войне Ричард Второй пристрастия не питал, но красивые турниры любил и вообще предпочитал всякие излишества и роскошь, хотя и понимал, что воевать необходимо, иначе ты плохой король. Вон прадедушка-то, Эдуард Второй, как опозорился, не умея и не желая заниматься активными военными действиями! Поэтому Ричард все-таки попытался кое-где показать зубки: попробовал освободить Фландрию от французов – не получилось; затем через два года потерпел фиаско, ввязавшись в войну против Шотландии, которая объединила свои силы с Францией. Ричард и так-то войну не любил, а тут еще эти постыдные провалы... В общем, больше он в военные приключения не пускался. Больно надо! В жизни есть и другие радости. И другие способы утвердить собственное величие.

Итак, молодой король решил проявить самостоятельность и взрослость. Разогнал всех старых советчиков и консультантов, окружил себя новыми людьми, принялся раздавать им посты и земли, ни у кого не спрашивая совета. Парламент попытался воздействовать на Ричарда, потребовал отставки канцлера (креатуры короля), на что Ричард довольно грубо

ответил, что из-за жалоб парламента он не то что канцлера – он даже последнего кухонного мальчишку не выгонит.

Пришлось действовать через старших родственников: может, хоть их строптивый юнец послушает. К Ричарду направился его дядя, Томас Вудсток, пятый, самый младший сын Эдуарда Третьего. Вместе с ним приехал Ричард Фицалан, граф Арундел. Лорды довольно жестко указали молодому королю, что в управлении страной он не проявляет мудрости и нарушает законы, а также напомнили, что королей иногда смещают, и его прадедушка Эдуард Второй – яркий тому пример.

Ричарду был всего 21 год, силенок еще маловато, хотя самомнения уже достаточно, и он решил временно отступить. Во всяком случае, канцлера своего тогдашнего он позволил сместить и даже посадить в тюрьму. Парламент расправил плечи, ему показалось, что на короля нашлась управа. Но не тут-то было! Королю совсем не нравилось, что парламент пытается наложить на королевскую власть какие-то ограничения, и Ричард быстренько организовал решение главных судей (нечто примерно такое, как решения нашего Конституционного суда). Согласно ему король может своей властью изменять или отменять ордонансы парламента по собственной воле в любой момент, а ежели кто попытается ограничить власть короля, того можно наказывать как предателя, даже если его формально не уличили в измене.

Лорды пришли в ужас. Эдак ведь любого можно к ногтю

прижать, казнить, а земли конфисковать. Кому такое понравится? Конфликт созрел быстро, и лорды взялись за оружие. Король в битве не преуспел и трусливо спрятался в Тауэре. Два или три дня ситуация висела над пропастью. То есть король оказался фактически низложен, но кого ставить на его место? Вот теперь самое время вспомнить, сколько сыновей было у Эдуарда Третьего, и прикинуть, сколько у них прямых потомков. Претендентов на корону – целая куча, и если сейчас посадить на трон кого-то из них, то гражданская война неизбежна, ибо обязательно найдутся те, кто с решением не согласится, кто бы ни стал новым королем. Единственно верным решением в тот момент представлялось снова посадить на престол молодого Ричарда Второго, но, как говорится, с нюансами. В рамках. Пусть ведет себя прилично, законов не нарушает и соглашается с определенными ограничениями своих полномочий. Ричард пообещал. Дал слово, что будет слушаться, вести себя хорошо и позволит умным и опытным лордам заняться ведением хозяйства.

Лорды взялись за дело, но не преуспели. Они больше занимались собственными проблемами и действовали в своих интересах, а не в интересах страны в целом, поэтому ничего из их затей не получилось, кроме склок и конфликтов. Управлять государством надо уметь, это целая наука, но в Англии, как и впоследствии в Советском Союзе, считалось, по-видимому, что такая работа по плечу любому вплоть до кухарки. Чего там уметь-то? Сиди да руководи, отдавай при-

казы – и все будет сделано. Однако так отчего-то не выходило... И тут Ричард выпустил когти, заявив: вы, дескать, двенадцать лет, с момента моей коронации, рулили и ничего путного сделать не смогли и показали полную свою некомпетентность; кончилась ваша власть, теперь я сам буду все решать. Я, дурак, поверил вам, уступил часть полномочий, урезал свое королевское величие во имя блага государства, а вы что? Где результат? Нет результата? Тогда пошли все вон, я сам буду решать, мне уже двадцать два года, я большой мальчик.

Ричард вполне искренне считал себя хорошим королем, источником справедливости и образцом правителя. Через 8 лет он решил, что пришла пора свести счеты. Пригласил одного знатного лорда, графа Уорика, к себе на обед – да и арестовал. Коварный был, видимо. Узнав об этом, граф Арундел (тот, который вместе с дядей Томасом приезжал, чтобы урезонить юного короля), сдался сам. А дядюшку Томаса Ричард арестовал самолично, не поленился ради этого поехать к нему в замок. Ну а как они хотели? Подняли против короля бунт, отстранили от престола на целых три дня, а что это было десять лет назад – так блюдо под названием «месть» полагается подавать холодным. Томаса Вудстока, дядю Тома, увезли в Кале, заперли в бастиионе и втихаря порешили. То ли периной придавили, то ли полотенцем придушили. Графу Арунделу отрубили голову. Ему можно, он не королевской крови. Это с Томасом нужно было действовать

потихоньку и тайно, он же сын короля, с ним так нельзя, а с Арунделом можно было и не церемониться.

А знаете, что еще вытворил хитрый и коварный Ричард Второй? Он объявил, что требует всей полноты власти и что очень хорошо помнит, как на него пытались наложить всякие ограничения, но наказывать за это никого не будет, потому что любит своих подданных. Он всех помилует, кто против его полной власти умышлял. Всех. Кроме некоторых. Этих некоторых – 50 человек, но имен он никому не назовет и списочек свой черный не покажет. Вот и мучайтесь теперь, пытайтесь угадать, кто есть в этом списке, а кого нет. Можете себе представить, что творилось после этого в головах и сердцах английских лордов. Врагу не пожелаешь такого.

С наследниками у Ричарда получилась полная беда. За двенадцать лет брака – ни одного ребеночка, а тут жена Анна Богемская возьми да и умри. А ведь король жену-то свою любил прям по-настоящему. Даже приказал сровнять с землей замок, в котором они когда-то были счастливы. И вот ему 27 лет, положено иметь семью, потомство, а у него – голяк. Надо срочно что-то предпринимать. Ну, Ричард Второй предпринял, женился в 1396 году на дочери французского короля Изабелле. Одна засада: девочке всего 7 лет. То есть до консумации брака ждать еще лет 7–8, да потом еще неизвестно, когда она после этого понесет и родит. Иными словами, в ближайшие 10 лет реального наследника не предвидится. И тут, как назло, возникла новая свара. Как водится,

внутрисемейная.

Именно с этого места и начинается действие пьесы Шекспира «Ричард Второй». В чем же суть конфликта?

Возвращаемся к длинному списку сыновей Эдуарда Третьего. Третьим номером в этом списке идет Джон Гонт, которого мы с вами вроде потеряли из виду после коронации Ричарда. У Джона Гонта есть законный сын и наследник по имени Генрих Болингброк, герцог Херефорд. Сам-то Джон у нас герцог Ланкастер, но пока отец жив, сын этот титул носить не может. Уточняем: король Ричард и герцог Херефорд – кузены, поскольку являются сыновьями родных братьев, Эдуарда Черного Принца и Джона Гонта. Генрих всегда поддерживал короля, за что и был должным образом вознагражден высоким титулом. И был Томас Моубрей, герцог Норфолк, который тоже оказывал Ричарду Второму поддержку и всякие услуги и тоже получил в награду пэрский титул. Моубрей был капитаном Кале как раз тогда, когда туда привезли и втихую задушили королевского дядюшку Томаса Вудстока. Вы поверите, что Моубрей был, как говорится, ни сном ни духом и не при делах? Ну и правильно, никто не верил. И вот Моубрей чисто по дружбе предупреждает Генриха, что король – существо злобное и мстительное, и поговаривают, что он собирается ликвидировать Джона Гонта и его сына, а земли конфисковать в свою пользу. Генрих Болингброк не поверил: да быть такого не может, чтобы с его отцом и с ним самим так поступили! Король же так любит своих дядю и

кузена!

Тем не менее об этой информации сынок Генрих доложил папе Джону, и рано или поздно, но все эти разговоры дошли до короля. В итоге молодым людям пришлось объясняться перед парламентом и в присутствии монарха. Моубрей, само собой, все отрицал, он же не идиот – признаваться и тем самым подписывать себе смертный приговор. Генрих настаивал на том, что разговор о королевских кознях был, Моубрей упорно шел в отказ и даже пытался «накатить» на Болингброка, дескать, у него самого рыльце в пушку, выделенные на армию денежки растратил или присвоил. Сошлись на том, что спор должен быть разрешен поединком: кто победит – тот и прав. Король проявил себя в этой ситуации настоящим миротворцем, изо всех сил старался примирить врагов, уговаривал отозвать решение биться насмерть на поединке, призывал их протянуть друг другу руку и обняться. Но не вышло. Парни уперлись. Пришлось назначать время и место. Условились выяснять отношения мечом в сентябре 1398 года. Дату указываю не для того, чтобы казаться сильно умной, а для того, чтобы нам всем легче было считать годы. Потому что в данной ситуации это важно.

Когда до начала поединка оставались считанные секунды, король вдруг остановил процесс и удалился в свою палатку. Никто не понимал, что происходит. Ричарда не было два долгих часа, за которые люди уж чего только не передумали... Наконец спикер Палаты общин огласил королевское

решение: поединок отменяется; Генрих Болингброк, герцог Херефорд, изгоняется из Англии на 10 лет, Томас Моубрей, герцог Норфолк, – навсегда.

Почему же король Ричард повел себя так странно? Ответ, как считают историки, прост: он боялся последствий поединка. Если в живых останется Моубрей, то правда о роли короля в смерти дяди Томаса могла выплыть наружу. Раньше Ричард был относительно спокоен, полагаясь на умение Моубрея держать язык за зубами, но теперь, после того как он слил тайные планы короля относительно Джона Гонта и его сына, в верности этого человека уже нельзя было быть уверенным. Про Гонта разболтал – так и про дядю Томаса в Кале разболтает. А если в живых останется Генрих Болингброк, то есть шанс, что он захочет стать преемником короля или даже свергнуть его с престола. Своих детей у Ричарда пока нет и в ближайшем будущем не будет; следующие за ним – потомки дяди Лайонела, но у него две дочери и ни одного сына; а за Лайонелом как раз идет Джон Гонт и его сын Генрих. Нехорошо выходит.

Идеальное решение: убрать обоих. Моубрея – насовсем, пожизненно, а Генриху и десяти лет хватит, потом может возвращаться, к тому времени у Ричарда уже, бог даст, свой сын родится. Теперь считаем: маленькая дочка французского короля, на которой женился Ричард Второй, родилась в 1389 году, стало быть, к моменту поединка ей всего 9 лет. Раньше чем через 5–6 лет первых родов ждать не приходит-

ся, да еще и не факт, что беременность разрешится благополучно, а если и благополучно, то нет гарантий, что получится мальчик, а не девочка. Так что 10 лет – самое оно со всеми допусками. Шекспир, правда, считал иначе, но об этом поговорим в следующем отступлении.

Моубрею не повезло: через год жизни в изгнании он умер.

А вот Генрих Болингброк, сын Джона Гонта, – это уже совсем другая история, не менее любопытная.

«Жадность фраера сгубила», или Любящие кузены

Генриха погнали метлой из Англии, и он осел во Франции, под крылом у короля Карла Шестого, который принял опального кузена английского короля со всем гостеприимством и выделил ему резиденцию. Но и полгода не прошло – скончался Джон Гонт, первый герцог Ланкастер. Поскольку Генрих был единственным выжившим на тот момент сыном, рожденным в законном браке, все папашино имущество должно было отойти ему, а имущества того было ох как немало!

Опупевший от собственного величия король Ричард Второй решил, что ему все можно и законы не для него писаны, посему он единолично, своей властью, продлил изгнание Генриха Болингброка на неопределенный срок и конфисковал в свою пользу все его богатое наследство, включая обширные земли и три десятка замков по всей Англии. Проще говоря, нарушил не только закон, но и свое королевское слово, а попутно проявил прямо-таки недетскую жадность. Общество было в шоке: таким манером можно ведь у кого угодно отобрать собственность! Это что же у нас за король такой? Тиран, а не король! А если еще про списочек вспомнить, в котором неизвестно кто упомянут, то ни один землевладелец и ни один лорд не могли отныне спать спокойно.

И Генрих, взяв с собой всего 300 солдат, отправился в Англию возвращать свое кровное. Улучил момент, когда Ричард Второй непонятно с какого перепугу решил устроить себе командировку в Ирландию, хотя никакой служебной необходимости в той поездке не было, а страну оставил на попечении еще одного своего дядюшки, Эдмунда, герцога Йорка (смотрим в список и видим, что это четвертый сын Эдуарда Третьего). Эдмунд был и руководителем слабым, и полководцем никудышным, и страну от разгневанного Генриха Болингброка защитить не смог. Вообще-то, бедняге Эдмунду можно только посочувствовать, он ведь приходился дядей и королю Ричарду, и изгнаннику Генриху, они оба его родные племянники, и политика политикой, а душа-то за обоих болит...

Генрих ничего такого насчет короны и престола в виду не имел, он хотел только наследство вернуть, но по мере продвижения по стране видел, как в его войско вливаются восставшие лорды и недовольные королем вассалы, и понял, что позиции-то у нынешнего короля весьма шаткие, чтобы не сказать гнилые. Не станет народ такого короля защищать и спасать.

А Ричард все проспал. Пока до него дошли известия о вторжении Генриха, прошло целых шесть дней (эх, не было мобильных телефонов!), да пока он корабли собирал – минуло еще две недели. За это время Болингброк как раз все успел. Тем более дядя Эдмунд, герцог Йорк, вовремя почу-

ял, что дело короля Ричарда Второго явственно пахнет кесом, и быстренько сдался Генриху.

Конечно, совсем уж без боя Ричард не отступил, он попытался выкрутиться из ситуации путем переговоров, но толку не вышло. Закончилось тем, что самоуверенного и самовлюбленного короля заточили в маленькой камере в одном из замков, потом перевезли в лондонский Тауэр. И – вишенка на торте – одним из двух его надзирателей стал сын того самого графа Арундела, которому по приказу короля отрубили голову за то, что он вместе с дядей Томасом посмел погрозить пальчиком тогда еще совсем юному Ричарду Второму. Вот как судьба, бывает, поворачивается... Короче, прежде чем кого-то обидеть, сто раз подумайте: как бы чего не вышло.

Что ж, перед Генрихом открылись приятные перспективы. Он после смерти отца, Джона Гонта, унаследовал его титул и стал герцогом Ланкастером. Учредили специальный комитет, который должен был рассмотреть дело «об отстранении короля Ричарда и об избрании на его место герцога Ланкастера». Вообще-то, у парламента не было полномочий свергать королей, но Ричарда вынудили все-таки подписать отречение от престола, после чего Генрих Ланкастер объявил, что в силу прямого кровного родства с королем Генрихом Третьим он имеет право надеть корону. И почему именно с Генрихом Третьим? У него и с Эдуардом Вторым такое же прямо кровное родство, и с Эдуардом Третьим... Наверное,

у Генриха Третьего репутация была получше, на него ссылаться было приятнее. Ну ладно, допустим, Эдуард Второй и в самом деле не та фигура, родство с которой радостно признавать, но дедушка Эдуард Третий-то чем Генриху не угодил?

В этом месте вы можете спросить: неужели кроме Генриха Болингброка, герцога Ланкастера, не нашлось в тот момент ни одного человека, имевшего право на трон? Как так получилось, что при том немалом числе сыновей у Эдуарда Третьего в итоге остались только два потомка мужского пола, внуки Ричард Второй и Генрих? Вопрос правильный. Ибо был еще один претендент, прав у которого было даже больше, чем у Генриха, сына Джона Гонта.

Представляем вам Эдмунда Мортимера, 5-го графа Марча. Откуда он взялся? А он прямой потомок Лайонела, герцога Кларенса, второго сына Эдуарда Третьего. У Лайонела сыновей не было, зато была дочь Филиппа Плантагенет, которая умерла совсем молодой, но успела выйти замуж за Эдмунда Мортимера, 3-го графа Марча, и родить сына Роджера, который, в свою очередь, подрос, женился и родил сына Эдмунда. Путем несложных подсчетов получаем вывод: Эдмунд Мортимер – праправнук короля Эдуарда Третьего, и поскольку он происходит от второго по старшинству сына, Лайонела, то и прав на корону у него больше, чем у потомка третьего сына, Джона Гонта. Вот такой расклад. (К слову заметим, что Мортимеры – потомки того самого Роджера Мор-

тимера, любовника Изабеллы Французской Волчицы. Надо же, как бывает забавно...)

И быть бы Эдмунду новым королем, если бы не возраст: ему на момент освобождения престола было 8 лет, а Англия слишком хорошо помнила, что получается, когда на трон садится король-мальчик. Нет, этих приключений никто больше не хотел.

Генриха Ланкастера короновали, и стал он королем Генрихом Четвертым. Принялись судить-рядить: что делать теперь с низложенным Ричардом? Пока решали – все само сделалось. Тело Ричарда, бывшего короля, нашли в тюремной камере без признаков жизни. Как он умер – до сих пор неизвестно. Может, сам, а может, и не сам.

Не был бы он таким жадным, не захапал бы себе наследство Ланкастера – глядишь, все и обошлось бы...

Отступление

Давайте снова вернемся к Шекспиру и посмотрим, каков же был Ричард Второй в представлении драматурга. И вообще зададимся вопросом: а все ли у Шекспира правильно? Можно ли полагаться на то, что он сочинил?

Ответа нет. Шекспир нередко отступал от исторической правды, и тому наверняка было множество причин. Во-первых, история как наука не стоит на месте, постоянно проводятся все новые и новые изыскания, находятся ранее

неизвестные рукописи, проводится более тщательное сопоставление установленных фактов, не прекращаются археологические раскопки и обнаруживаются разные интересные вещи. То, что считалось «точно установленным» 500 лет назад, не может считаться истиной сегодня. Во-вторых, Шекспир творил не в безвоздушном пространстве; он жил в стране, населенной людьми и имеющей правителей, а это означало, что пьеса должна «соответствовать». Иначе не будет ни постановок, ни денег. С властью приходилось поддерживать хорошие отношения, и это не могло не сказываться на драматургическом произведении. И в-третьих, Шекспир творил. В принципе. Он создавал произведение, а не писал газетные репортажи, и для него на первом месте все-таки были драматургия образов и конфликты, а не точное соответствие историческим реалиям. А в-четвертых, он, как и любой автор, использовал своих персонажей для того, чтобы донести до зрителя (читателя) какие-то собственные мысли, вкладывая их в уста действующих лиц и заставляя произносить то, что они вряд ли говорили на самом деле (если речь идет об исторических персонах).

Посмотрим, что мы имеем в пьесе «Ричард II» (кому лень читать – можно посмотреть первый фильм из цикла «Пустая корона»). Действие пьесы начинается с того самого разбора полетов между Генрихом Болингброком и Томасом Моубреем, в ходе которого и был назначен приснопамятный поединок. Поединок, как мы помним, состоялся в сентябре

1398 года. Читаем перечень действующих лиц и с немалым изумлением видим в нем «Королеву, жену короля Ричарда». Позвольте, первая жена, Анна, давно скончалась, а новой жене, Изабелле, всего 8 или 9 лет (мы готовы допустить, что между судилищем и поединком могло пройти несколько месяцев). Находим сцену в первом акте, где появляется Королева, и убеждаемся, что она – вполне себе взрослая дама. Но в первом акте «Королевы» совсем мало, буквально пара незамысловатых реплик, которые мог произнести и ребенок. Проверяем по третьему акту. Нет, все-таки взрослая, очень уж осмысленные у нее суждения и переживания. Это что? Это как?

А никак. Авторская вольность.

Как, в трактовке Шекспира, умер король Ричард? О, весьма героически! Заподозрив, что тюремщик принес отравленную еду, он начинает избивать несчастного. На крики тюремщика в камеру входит лорд Экстон со слугами, Ричард выхватывает у одного из слуг секиру, пытается убить Экстона, но лорд наносит низложенному королю смертельный удар. Надо полагать, не кулаком, а холодным оружием вроде меча, рыцарь же. То есть никаких тебе «обнаружен в камере без признаков жизни» и «скончался по неизвестной причине». Рана-то от меча должна остаться вполне красноречивая, какие уж тут неизвестные причины.

А что, Экстон действительно хотел отравить бывшего короля? По Шекспиру выходит – да, собирался. Но все наме-

ками, полунамеками, никаких точных указаний. Новый король Генрих Четвертый «дал понять», Экстон информацию уловил и для верности еще со слугой уточнил: правильно ли понял.

Экстон

Ты тоже слышал, как король сказал:
«Иль не найдется друга, чтоб избавить
Меня от этого живого страха?»
Не так ли?

Слуга

Точные его слова.

Экстон

«Иль не найдется друга?» – он спросил,
Он дважды это повторил, и дважды –
С особым ударением. Так ведь?

Слуга

Так.

Экстон

И на меня он поглядел при этом,
Как будто говоря: «Не ты ли снимешь
Давящий ужас с сердца моего?» –
Того, кто в Помфрете, в виду имея.
Мне дружба государя дорога
И я его избавлю от врага ³.

³ Шекспир У. Ричард II (пер. М. Донского), акт V, сцена 4. Полн. собр. соч.

Вот такой диалог. Но как Экстон искал яд и подсыпал его в блюдо с едой, нам не показали. Мало ли что он слуге сказал! Мало ли как он планировал избавить государя от врага! Персонаж сэр Пирс Экстон не является реальной исторической фигурой, поэтому автор пьесы с легкостью делает из него убийцу, не опасаясь обвинений в диффамации или клевете, и все равно обходится с ним чрезвычайно осторожно, перекладывая основную вину на короля Генриха Четвертого: дескать, намекал и подстрекал, но ничего как бы не доказано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.